Государственный Комитет СССР по народному образованию
Уссурийский государственный педагогический институт
Приморский краевой отдел народного образования
Приморский краевой институт усовершенствования учителей
Педагогическое общество РСФСР
Приморское отделение педагогического общества РСФСР
Географическое общество СССР
Приморский филиал Географического общества СССР

ПРОБЛЕМЫ КРАЕВЕДЕНИЯ

(АРСЕНЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ)

г. Уссурийск. 1989 г.

kraeved.info

ПРЕДИСЛОВИЕ

Процесс революционной перестройки в жизни нашей страны вызвал новый подъем краеведения, которое после разгрома в начале 30-х гг. долгое время не могло восстановиться в своих правах. Широкое общественное движение в защиту памятников истории и культуры, возвращение многих незаслуженно преданных забвению политических деятелей, ученых, писателей, создание массовых экологических обществ определили актуальность разработки на современном этапе краеведческих вопросов и проблем. Поэтому снова проводятся Всесоюзные краеведческие конференции, больше стало местных и региональных совещаний по краеведению. Аналогичные тенденций происходят и на Дальнем Востоке. Краеведческие конференции здесь вылились в Арсеньевские чтения, посвященные памяти замечательного писателя и исследователя В. К. Арсеньева, внесшего большой вклад в изучение Дальнего Востока. Арсеньевские чтения проходят в гг. Хабаровске, Владивостоке, Уссурийске. В настоящем сборнике публикуются тезисы докладов и сообщений очередной региональной краеведческой конференции. Учитывая опыт прошлых Арсеньевских чтений, значительно расширена проблематика конференции за счет включения секции природного краеведения. В материалах конференции рассматриваются различные вопросы исторического и природного краеведения Дальнего Востока и Восточной Сибири. Публикуются данные о новых археологических памятниках региона ,что имеет важное значение в связи с созданием общего свода памятников страны. Приводятся новые материалы по отдельным историческим аспектам региона, рациональному природопользованию, растительности и животному миру Приморья и Приамурья. К участию в конференции привлечены не только ученые академических институтов и вузов, но и студенты, учителя-краеведы. Материалы конференции могут быть использованы в самых широких целях, в том числе и в учебной работе.

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Артемьев А. Р.
Институт истории ДВО АН СССР

О МЕСТОРАСПОЛОЖЕНИИ КУМАРСКОГО ОСТРОГА

Летом 1988 г. археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР была предпринята попытка найти остатки Кумарского острога.

Как известно, этот острог был основан Е. П. Хабаровым в 1652 г. Однако его точное месторасположение до сих пор неизвестно. Г. С. Новиков-Даурский (1953) полагал, что он находился в устье р. Кумара (Хумархэ), крупнейшего правого притока р. Амур, в ее верхнем течении, то есть на современной территории КНР. Г. В. Мелихов (1974) на помещенной в его монографии карте расположил его на нашей левой стороне реки против устья Кумары.

Между тем, источников, позволяющих судить об этом, немного. Согласно сделанному в 1686 г. китайским перебежчиком сообщению, императорский указ предписывал маньчжурским полководцам возвести город на правой стороне Амура, в устье Кумары, где прежде стоял русский острог. Единственным, кто видел остатки Кумарского острога после окончательного присоединения Приамурья к России, был русский ботаник и зоолог Р. Маак, совершивший в середине прошлого века путешествие по Амуру. В своей книге он отметил, что некоторые следы острога сохранились на острове, в устье р. Кумары, напротив Лонгторского скалистого выступа. Наиболее точное, с топографическими привязками, описание расположения острога содержится в отписке Онуфрия Степанова якутскому воеводе М. С. Лодыженскому, составленной не ранее 4 (17) апреля 1965 г. В ней он сообщил, что 20 марта маньчжуры подступали к острогу из-за Амура «...с каменю, а каменю высота 40 сажень, а от того камени до острожку полтретьяста сажень». Несомненно, что этим «каменем» является стоящий напротив устья р. Кумары Верхнекумарский (Лонгторский) утес. Поскольку 1 сажень равняется 1,76 м, то расстояние от утеса до

острога составляло 440 м, а именно таково расстояние до острова, расположенного между двух впадающих в Амур рукавов р. Хумаррхэ, где, надо полагать, и находится острог, возведенный казаками во главе с О. Степановым осенью 1654 г.

Тем не менее, согласно той же отписке Степанова, казаки строили новый острог на пустом месте, из чего следует, что укреплений, основанных здесь Хабаровым, уже не существовало. Более того, нет никаких указаний на то, что они находились на правой стороне Амура. Поиски следов хабаровского острога на левой его стороне привели к открытию неизвестного до сих пор городища на вершине Верхнекумарского утеса. Оно имеет в плане подчетырехугольную форму и площадь — около 0,4 га. Сохранившиеся местами валы имеют высоту до 1 м. Культурный слой городища сильно поврежден траншеями и частично скрыт. В раскопе площадью 26 кв. м нами был открыт даурский (?) и перекрывающий его русский слой. Даурский слой содержал богато орнаментированную керамику и следы пожарища. В русском слое была найдена типичная для XVII в. керамика, пламевидный наконечник стрелы, обработанный рог оленя, металлургические шлаки и кости диких животных.

По нашему мнению, правомерно предположить, что городище на Верхнекумарском утесе и является остатками хабаровского острожка, в который он переделал стоявший здесь даурский городок. Последний, судя по слою, брали с боем. Установлено, что в середине XVII столетия этот район Амура населяли дауры, подвластные князю Гойгудару (Б. О. Долгих, 1958), чей род отказался платить Хабарову государев ясак и оказал казакам отчаянное сопротивление.

Практика использования для своих целей уже существующих укреплений местного населения осуществлялась Хабаровым и в других местах, в частности, в Албазино. Причиной оставления этого места, по-видимому, явилась трудность водоснабжения острога, поскольку высота утеса превышает 70 м.

Богданов Е.

п. Рощино

НЕКОТОРЫЕ ПАМЯТНИКИ КРАСНОАРМЕЙСКОГО РАЙОНА

С историей нашего края неразрывно связано имя В. К. Арсеньева, он дважды побывал и в Красноармейском районе во время своих экспедиций в 1906 и 1912-13 годах. В. К. Арсеньевым были описаны селения на р. Большая Уссурка и сняты планы двух средневековых городищ у села Новопокровка (Кательное) и Островное (Сяньшихеза). На Новопокровском городище производили раскопки археологи института истории ДВО АН СССР. Островновское городище никем не исследовалось. Рощинским историко-краеведческим клубом была произведена разведка в районе с. Островное. но городище также не обнаружено. Вызывает сомнение, что эти городища были описаны в один день, 15 января 1913 года, так как расстояние между ними около 80 километров.

В 1987 году была совершена экспедиция «По маршруту Арсеньева» от села Дерсу (Лаулю) до села Гончаровка. Во время экспедиции мы осмотрели бывшие селения Мяолин и Паравози (Ивановичи и Трифоновка), посетили также села Вострецово и Дальний Кут (Картун и Вагунбе). В ходе экспедиции открыты новые археологические памятники:

1. Дальний Кут — 1. В пяти километрах вниз по течению р. Большая Уссурка от села Дальний Кут по левому берегу на уплощенной мысовидной сопке высотой 40—50 метров. Материал располагается в легких суглинках коричневого цвета, идущего вслед за гумусированным слоем.

Найдено несколько маловыразительных неорнаментированных фрагментов керамики, фрагменты донышка и прямого венчика.

2. Гончаровка — 1. Расположено в двух километрах вверх по течению р. Большая Уссурка от села Гончаровка, на пологом склоне сопки. Высота сопки около 120 м. Обнаружено большое количество западин, собрано несколько десятков фрагментов керамики.

3. Гончаровка — 2. При впадении Макаровой протоки в р. Большая Уссурка, на вершине сопки высотой 150 м. Найден фрагмент керамики, шлифованный наконечник стрелы.

4. Заячья — 1. В 1,5 км от места по дороге Дальнереченск — Восток, на правом берегу р. Большая Уссурка, на протоке Заячья. Собранный материал состоит из фрагментов керамики.

В ходе обработки материала, на основе аналогов, пришли к выводу, что стоянки Гончаровка-1 и Заячья-1 относятся к железному веку. Эти выводы подтвердили ученые института истории ДВО АН СССР.

Болотин Д. П.

Благовещенский гос. пединститут

РУССКАЯ И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА О ДАУРАХ И ВРЕМЕНИ ИХ ПОЯВЛЕНИЯ НА АМУРЕ

Эпоха позднего средневековья в Приамурье является одним из самых слабоизученных периодов истории юга Дальнего Востока. А ведь именно в это время здесь расселяется народ, этногенез которого нам до сих пор неизвестен. Это монголоязычные дауры. В названном регионе они сосуществовали с местными тунгусскими племенами.

Опираясь на существующий уровень знаний, достоверно историю дауров мы можем вести лишь с XVII в., т. е. со времени прихода на Амур русских. Все интересующие нас ведения этого периода заключены в отписках казацкой старшины воеводам или царю, ясачных книгах и других документах, изданных в середине XIX в. в сборниках «Акты исторические» и «Дополнения к актам историческим». Интересные сведения о даурах, населявших Амур в XIX в. дали путешественники и исследователи А. Ф. Миддендорф, Р. К. Маак, Л. И. Шренк. Последний не только описал аборигенов, но и выдвинул гипотезу относительно появления дауров в Приамурье, приведя в своем труде также точку зрения по этому вопросу П. Кафарова. Следующий исследователь, внесший заметный вклад в изучение истории южной части Дальнего Востока, — Г. С. Новиков-Даурский. Опираясь на переводы китайских летописцев, он попытался осветить ход этнических процессов на этой территории с 1 тыс. до н. э. Тех же вопросов, однако не выходя за рамки позднего средневековья, касались Н. И. Рябов и М. Г.

Штейн. Б. О. Долгих хотя и не занимался собственно этногенезом дауров, но попытался реконструировать этнос амурчан XVII века. Кроме того им была сделана попытка восстановить численность аборигенов, а также распределить их по родовому и племенному признакам. Самым значительным этнографическим трудом в советской исторической науке, посвященном даурам, является статья М. Г. Журавлевой и В. С. Старикова, вышедшая в обобщающем труде «Народы Восточной Азии». Но даже эта короткая характеристика производственной, бытовой и культурной сторон жизни дауров является бесценной в восстановлении периода существования этого народа на Амуре.

Часть вышеназванных исследований (Шренк, Кафаров, Новиков-Даурский, Рябов, Штейн) выдвинули в разное время гипотезу относительно времени и причин заселения даурами Приамурья. По их мнению, это случилось в первой половине XII в., во время войны монголов Чингис-хана с империей Цзинь или сразу после нее. Данное положение исключает местное, аборигенное происхождение дауров, что можно подтвердить следующими фактами. 1) Мохэская археологическая культура (верх. граница IX в.), а отсюда и покровская (верх. граница XII в.), если учесть, что троицкий этап, ее первый хронологический период, была этнически тунгусской. Это доказывают антропологические исследования черепов Троицкого могильника, осуществленные В. П. Алексеевым, где он, не проводя прямую параллель от археологических мохэ к какому-либо современному тунгусоязычному народу, утверждает, что те были носителями признаков байкальского типа (куда входят тунгусоиды), указывая на существенные различия с центральноазиатским антропологическим типом (включающим монголоязычные народы). Этот вывод исключает происхождение дауров от носителей покровской археологической культуры. Далее. 2) По отпискам русских казаков в XVII в. изучаемый нами народ жил по берегам Верхнего и частично Среднего Амура, а также по Зее, т. е. по двум крупнейшим рекам региона. Тунгусские же племена обитали по их притокам. Такое расселение вызвано более поздним приходом дауров по сравнению с тунгусами в Приамурье. Известно, что крупные водные артерии часто играли роль путей миграций, и по ним происходило как бы вклинивание пришельцев на территорию, заселенную аборигенами, вытеснение последних в стороны от этих путей, которые явились одновременно и

местом обитания нового народа. Подобную ситуацию мы наблюдаем в начале XX в. на этой же территории, но только с русскими. Опираясь на выводы Долгих, который подсчитал количество даурского населения в XVII в. по Амуру и Зее, можно установить, с какой стороны шли миграции. Так как Амур населен плотнее, и количество родов там 4, против 2 зейских, следует предположить западное проникновение. В принципе, здесь не было большой проблемы, и последний факт приведен скорее в подтверждение предыдущего. 3) Следующий интересный момент упоминается Новиковым-Даурским, который пишет, что дауры на вопросы русских о том, кому принадлежали заброшенные крепости, ответить не могли. Будь они местные племена, история народа, несомненно, сохранилась бы в преданиях и легендах, связанных с памятниками прошлого. 4) Упоминавшийся выше Долгих среди дауров выделяет одаурившихся тунгусов. Здесь мы можем указать на идущий процесс ассимиляции и на численное превосходство тунгусоидов (с учетом живущих по малым рекам и в лесах), что было бы маловероятным, не будь они коренными жителями. 5) В 1932 г. советский языковед Н. Н. Поппе установил близость даурского языка к монгольскому XIII в. Этот факт дает нам примерное время ухода дауров из общего монгольского центра. 6) Сделанный выше вывод подтверждается и археологическими исследованиями последних лет в Приамурье. Монгольские вещи (особенно следует выделить серьги в виде «?» — знака вопроса с бусиной на нижнем отростке) появляются здесь не раньше XII—XIII вв. Все приведенные выше факты свидетельствуют о появлении дауров на Амуре в первых веках II тыс. Но верна ли причина, придавшая племенам движение?

В отписках казацкой старшины с Амура в XVII в., дауры часто упоминаются как «братские» (бурятские) люди. Такое замечание отражает большое сходство этих народов. Но ведь буряты в район Байкала пришли до эпохи Чингисхана. А значит и причина этому переселению не в военной экспансии начала XIII в. Можно предположить, что оба народа (буряты и дауры) в одно время и по одной и той же причине покинули общемонгольский «котел». Они могли оказаться вытесненными с родовых мест в эпоху классообразования и складывания феодальных отношений, проходивших в монгольском обществе в начале II тыс. Для кочевников этого периода характерно перераспределение пастбищ среди родственных племен и захват их более сильными. Подобные внутренние процессы выливаются, как правило, в агрессивную внешнюю политику. Примером тому может служить война чжурчженьской империи Цзинь и Хамаг монгол улус (Всех монголов государство) в сер. XII в. Это вторая гипотеза, освещающая причины, и в какой-то мере время прихода дауров на Амур. Обе точки зрения имеют право на существование до тех пор, пока проблема не будет решена, а сделать это можно только в ходе археологических исследований.

Василевский А. А.

Южно-Сахалинский гос. пединститут

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ОХОТСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ НА ЮГЕ САХАЛИНА

1. В ходе археологических исследований в 70—80-е гг. на Сахалине открыты и изучены памятники древней культуры, свидетельствующие о довольно раннем проникновении человека на остров. Введение в научный оборот новых материалов по докерамическим комплексам остро поставило вопрос о периодизации древних культур Сахалина. Проблема неолита, его связи с охотской культурой, происхождение технологических и культурных традиций — вопросы, вставшие на повестку дня в сахалинской археологии. В настоящее время на северном Сахалине выявлена и частично исследована имчинская неолитическая культура. В южной части острова исследуются неолитические поселения Садовники-II, Пионер-I, Кузнецово-III, IV. Указанная группа памятников отчетливо локализует на юге острова неолитическую культуру, почти синхронную имчинской на севере.

2. Анализ полученных неолитических материалов позволяет найти определенное соотношение в специфических формах каменных орудий, характерных как для неолита южного Сахалина, так и для раннего периода охотской культуры. Наиболее четко аналоги отмечаются в типологии выемчатых наконечников стрел, черешковых и листовидных наконечниках дротиков и копий, в отдельных формах ножей. Довольно определенно выделяются черты керамической

традиции, которые возникают в неолите и частично прослеживаются в ранне-охотской керамике. Это технология приготовления формовочной массы без отощителя и ряд формообразующих элементов. Достаточно показателен сравнительный анализ инвентаря трех памятников, расположенных на крайнем юго-западе Сахалина: Кузнецово-III, IV (неолитическая эпоха) и Кузнецово-I (охотская культура). Вышеуказанные параллели подкрепляются данными петрографического анализа керамики с этих памятников. Вместе с тем, в инвентаре неолитических и раннеохотских памятников выявлены и принципиальные различия, объясняющиеся большим хронологическим разрывом между ними.

3. Предпринятые автором в 1985 году археологические разведки на юго-востоке Сахалина выявили еще ряд культурных комплексов, во многом аналогичных уже известному раннеохотскому памятнику Кузнецово-I. На поселениях Южная-II. Предрефлянка и некоторых других памятниках юго-восточной части острова стратиграфически отмечена керамика, декорированная веревочно-шнуровыми оттисками в сочетании с орудиями и отщепами из обсидиана, что также позволяет предполагать длительное сохранение культурных традиций неолита на юге Сахалина. Дальнейшее исследование памятников финального неолита и раннего этапа охотской культуры позволит заполнить хронологический разрыв между культурными комплексами III-IV и I тыс. до н. э. на острове, детально проследить формирование охотских культурных традиций.

Василевский А. А.

Южно-Сахалинский гос. пединститут

АБСОЛЮТНЫЕ ДАТЫ ПОСЕЛЕНИЙ КУЗНЕЦОВО-III И ЮЖНАЯ-II И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

1. Несмотря на значительные успехи сахалинской археологии в последние два десятилетия, вопросы периодизации неолитических культур остаются открытыми. Опорными для неолита Южного Сахалина являются комплексы неолитических поселений Кузнецово-III, Садовники-II и Южная-II. До недавнего времени имелись всего две радиокарбоновые

даты, полученные В. О. Шубиным по образцам из жилища № 2 пос. Садовники-II: МАГ — 691±300 л. н. и МАГ — 694 6740±150 л. н. В 1988 г. В. А. Голубевым и автором получена серия абсолютных дат по древесному углю в пос. Кузнецово-III и Южная-II, выполненных в лабораториях ДВГУ и ЛОИА АН СССР*. В связи с этим предпринимается попытка скоррелировать указанные комплексы во времени.

2. Исследователями (В. А. Голубев и И. С. Жущиховская) пос. Кузнецово-III и Садовники-II отнесены, соответственно к первому и второму этапу южно-сахалинской неолитической культуры (ЮСНК). Даты, полученные по углю из очага и с пола жилища № 3 (Ле-4043 5770±140 — 4730±±320 л. до н. э. и Ле-4044 5960±140—4900±340 л. до н. э.) в принципе соответствуют известным по Садовникам-II с некоторым несогласием. Значительно вырывается дата образца ДВГУ-88 (4242±730 л. н.), взятого из заполнения жилища № 4 Кузнецово-III. Она, очевидно, не соответствует известным, если учесть тот факт, что типологически материал жилищ №№ 3—4 идентичен друг другу и, безусловно, древнее садовниковского. Основанием для последнего тезиса является отсутствие орнамента на керамике с Кузнецово-III и принципиально меньшее число полностью шлифованных изделий по сравнению с орудийным ансамблем Садовники-II. Кроме того, технологически керамика Кузнецово-III самая архаичная на острове.

Хотя даты двух памятников и даже двух жилищ одного памятника находятся в некотором несогласии, варьируя в пределах 2—2,5 тыс. лет, вполне закономерен вывод об ориентировочной датировке названных комплексов ЮСНК в пределах 7—5 тыс. лет назад. Хотя не исключено, что истинный возраст феномена четырехугольных сосудов ЮСНК и соответственно время появления первой керамики на острове может быть значительно больше. Так или иначе, ЮСНК представляет самый ранний этап неолита Сахалина, что косвенно подтверждается и абсолютными датировками.

3. Следующий этап неолита Южного Сахалина представлен поселением Южная-II. В комплексе двух исследованных жилищ прослеживаются как южные — хоккайдские, так и северные — собственно сахалинские черты материальной

---

* Даты, полученные в ЛОИА АН СССР, калиброваны по шкале Клейна, опубликованной в т. 24, № 2 журнала «Радиокарбон» за 1982 г.

культуры. Поэтому для выяснения возраста комплекса необходимы соответствующие сравнения.

Дугообразная планировка поселения Южная-II встречает аналогии в памятниках среднего и позднего этапа культур Дзёмон (5,5—3,3 тыс. л. н.). Полуземлянки четырехугольной формы, раскопанные на Южной-II, типичны для всего Северо-Востока Тихого океана в широком временном диапазоне. Отсутствие очагов в жилище Южной-II с одной стороны на летнее обитание поселения, а с другой на более теплый, чем ныне, климат. Этот тезис подтверждается данными палинологического анализа культурного слоя памятника, выявившего пыльцу растений, характерных для климатического оптимума голоцена. Последний датирован на острове в пределах 7940±130—4320±60 (по А. Н. Александровой). Керамика Южной-II довольно проста. Это плоскодонные сосуды усеченно-конической формы, украшенные косым веревочным декором и горизонтальными шнуровыми линиями. Все разнообразие в пределах одного варианта, без каких-либо отклонений. По простоте и преимущественно по способу орнаментации эта керамика сравнима с плоскодонными сосудами раннего и среднего этапа Дзёмона северного Хоккайдо (7,3—3,3 тыс. л. н.). Но в отличие от хоккайдских образцов сахалинская керамика более тонкостенна, более лаконичны формы сосудов и орнамент, венчики только вогнутые, уплощенные без выступов. Аналогичный профиль имеют плоскодонные сосуды позднего неолита на Северо-Восточном Сахалине (Кадыланья, Сабо).

И, наконец, преобладание двустороннеобработанных деталей на пластинчатых отщепах и некоторое количество (до 5—9 проц.) орудий на микропластинах, по нашим представлениям, факт, указывающий на древность, аналогичную этапу среднего Дзёмона, хорошо датированного по радиокарбону (5,5—3,3 тыс. л. н.).

Абсолютные даты: Ле-4040 2360±110 — 480±95, Ле-4038 2550±160 — 710±315, Ле-4039 2320±160 — 410±375 и Ле-4041 2540±100 — 595±200 л. до н. э. получены, соответственно, из заполнения, с пола жилища (2 образца) и из очага в межжилищном пространстве. Представляется, что они значительно «омоложены» вследствие их близкого (30—40 см) от дневной поверхности и от почвенного слоя, насыщенного органикой (20—25 см). Подтверждают вывод о явно «омоложенном» возрасте этих образцов и некоторые сравнения. В полученный по датам период (8—4 вв. до н. э.) вся территория Южного Сахалина была заселена группами населения охотской культуры. Такой памятник выявлен и в километре от Южной-II. Кроме того, керамика 8—4 вв. на Сахалине и тем более в ареале круга культур финального этапа Дзёмон несравненно сложнее и разнообразнее южнинской. Сложнее их по форме и позднеимчинские сосуды, датированные по радиоуглероду в рамках 3—1 тыс. до н. э. (МАГ 686 4200±200 лет — Имчин-X и т. д.).

Все это позволяет считать, что Южная-II — это неолитический памятник, возраст которого меньше возраста Кузнецово-III, Садовников-II, с одной стороны, и больше возраста раннеохотских и позднедзёмонских памятников. Есть все основания типологически датировать этот комплекс в пределах 5—4 тыс. лет назад. С учетом абсолютных дат верхняя допустимая граница памятника может быть сдвинута до 3,5 тыс. лет назад, не более.

4. Высказанные выше положения требуют дальнейшего уточнения и развития на основе продолжения масштабного исследования неолитических памятников Сахалина с применением новейших методов. Это позволит создать более или менее подробную периодизацию древних культур острова и скоррелировать ее с периодизацией неолитических культур окружающего мира.

Гревцов Ю. А.

ЛАПСС ИИФФ СО АН СССР

г. Красноярск

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА — ШАМАНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Археологические памятники эпохи железного века и раннего средневековья, находящиеся на территории Северного Приангарья, в настоящее время почти не изучены.

Памятником, дающим основную массу материала по данному периоду, является могильник на многослойной стоянке Усть-Кова, открытой в 1937 году А. П. Окладниковым.

Могильник расположен на 2-й ангарской террасе и представляет собой погребальный комплекс, состоящий из 10 погребений человека и 3 ритуальных захоронений инвентаря, так называемых «кладов».

На протяжении ряда лет (с 1979 г.) исследователи, работающие с материалами Ковинского погребального комплекса, сталкивались с рядом серьезных проблем:

— Большая часть изделий, найденных в погребениях или «кладах», не несла информации о своем функциональном назначении.

— Сравнительно небольшой Ковинский могильник сочетал в себе 4 вида погребальных обрядов:

1. трупоположение;
2. трупосожжение с инвентарем;
3. трупосожжение без инвентаря;
4. захоронение инвентаря («клады»).

— Отсутствие прямых аналогов в районах, прилегающих к территории Северного Приангарья. Хотя аналоги отдельным предметам Ковинского могильника найдены в Прибайкалье, на Алтае и в районах верхнего течения реки Ангары.

Ключевым моментом к разрешению стоящих проблем стали находки в 1987—1988 годах трех железных предметов, предварительно названных «звеньями цепи».

Реставрация находок, а также привлечение этнографического материала позволили классифицировать данные находки как «онголы» — материальные изображения духов. Все онголы изображают животное — барана. По представлениям бурятских шаманистов, в образе барана являлся дух, покровитель шаманов — Манжелай или дух, покровитель кузнецов Дархай.

Ряд технологически особенностей, имеющих место как на онголах, так и на других предметах из погребений и кладов Ковинского могильника, позволяют рассматривать данные предметы как ритуальные. Признаком, отличающим эти предметы, является изображение на них бараньих рогов в качестве наверший.

Обилие ритуальных предметов дало возможность рассматривать и другие материалы Ковинского погребального комплекса с привлечением этнографических даных по бурятскому шаманизму. Изучение материалов Ковинского могильника в данном разрезе позволило определить функциональное назначение некоторых изделий из железа, как атрибутов шамана или кузнеца, т. к. фигуры шаманизма и кузнеца в пантеоне бурятских шаманистов стоят рядом.

Это предположение подтверждается также более детальным изучением костяного и керамического материала Ковинского могильника.

В этнографических источниках по погребальному обряду шаманов и кузнецов у бурят находится и объяснение наличия разных видов погребений в одном погребальном комплексе.

На основании результатов, полученных в результате использования этнографических данных, для обоснования археологического памятника, автор считает возможным сделать ряд предварительных выводов:

1. Ковинский погребальный комплекс можно рассматривать как средневековый шаманский могильник.

2. Можно предположить, что на территории Северного Приангарья в 6—12 вв. н. э. имело место достаточно крупное этническое образование, которое сыграло одну из основных ролей в процессе этногенеза бурят.

3. Присутствие в культовых предметах признаков, свойственных для степной и лесостепной зон (культ барана), позволяет говорить о влиянии этих зон на таежные районы Северного Приангарья. Можно предполагать, что это влияние распространялось через Прибайкалье и верховье Ангары.

Дроздов Н. И., Аненский Е. С., Бокарев А. А., Викулов А. А.

ЛАПСС ИИФФ СО АН СССР, КГПИ, г. Красноярск

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КОРРАДИРОВАННЫХ АРТЕФАКТОВ в АКВАТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА

В 1985 году при паспортизации памятников археологии отрядом КГПИ в районе с. Куртак в береговом обнажении Красноярского водохранилища в урочище Вишняки были найдены коррадированные артефакты. С 1986 года здесь ведутся стационарные исследования Енисейским отрядом Северо-Азиатской археологической экспедиции ИИФФ СО АН СССР. Летом 1988 г. был открыт новый пункт коррадированных артефактов — Каменный лог. Местонахождение находится в зоне Новоселовско-Куртакского расширения долины Енисея, примерно в 145 км выше плотины Красноярской ГЭС. Разрушению водохранилищем подвергся террасовидный уступ высотой 70—75 м относительно долины Енисея до затопления. При зачистке обнажения мощность рыхлых

делий состоит из глины и тщательно истолченного, просеянного и перемешанного кварц-полевошпатового песка; техника лепки — ручная. Обработка поверхности отличается аккуратностью и высоким качеством: плотный, хорошо спеченный с черепком слой ангобаи сплошное, дающее блеск лощение. Зафиксированы случаи использования графита для натирания стенок и придания им «металлического» блеска. Обжиг происходил при средних температурах в атмосфере, насыщенной углеродом, результатом чего является ровная темно-серая или черная окраска поверхности и излома керамики. Есть единичные примеры, когда подобные технологические признаки имеют не только сосуды с резервуаром на поддоне, но и изделия другой формы. Предлагаем для данной группы керамики использовать термин «чернолощеная».

Эта технологическая традиция четко коррелируется только с памятниками центрального варианта — здесь керамика подобного облика встречается серийно. Сосуды с резервуаром на поддоне есть и на памятниках других вариантов культуры, однако там их технологические особенности не отличаются от основной массы керамического материала. Этому факту может быть предложено следующее объяснение. Технологические операции по изготовлению чернолощеной посуды требуют значительных затрат времени и профессионального мастерства. Такой уровень развития гончарства — трудовой отрасли, не связанной непосредственно с добычей и производством пищи — возможен в условиях достаточной экономической стабильности и благополучия первобытных коллективов. Палеоэкономические исследования кроуновской культуры показывают, что поселения центрального варианта представляют своего рода пик хозяйственного развития с заметным акцентом на производящих отраслях — в первую очередь, земледелии. Так в технологии изготовления керамической посуды опосредованно отражено состояние экономической структуры носителей кроуновской культуры.

Отдельным вопросом является функциональное назначение чернолощеных сосудов с резервуарами на поддонах. В археологической литературе по югу Дальнего Востока за изделиями подобных форм закрепилось название «светильники». Однако внешний вид кроуновских сосудов заставляет сомневаться в правомерности такого определения: нет ни одного примера, когда бы гладкая, блестящая внутренняя

поверхность резервуара была повреждена нагаром, копотью. Более того — ровная черная окраска сосудов свидетельствует о том, что изделия не подвергались воздействию открытого пламени, так как в этом случае произошло бы частичное исчезновение углеродистых соединений, активизация окислительных процессов в формовочной массе и посветление ее цвета. Форма и размеры сосудов с резервуаром на поддоне исключают их использование в бытовых целях — в качестве тарной, кухонной и столовой посуды. Морфологические и технологические признаки этих изделий позволяют предположить, что скорее всего они имели неутилитарное назначение, выполняли какую-то особую функцию — возможно, ритуальную. Впервые для памятников железного века Приморья оказалось возможным выделить категорию посуды, функциональная роль которой, по-видимому, лежит вне рамок хозяйственно-бытовой сферы.

В заключение обратим внимание на то, что внешние признаки чернолощеных сосудов (гладкая блестящая поверхность с серо-стальным отливом) можно рассматривать как результат отделки «под металл». Аналогичные имитации металлического эффекта в керамике известно, например, в культурах бронзового века Восточной и Западной Европы. Почему в гончарстве кроуновской культуры возник соответствующий комплекс технологических приемов, каковы его истоки и где искать возможные металлические прототипы — на эти вопросы должно ответить дальнейшее исследование материала.

Жущиховская И. С.
ИИАЭ ДВНЦ АН СССР, г. Владивосток
Шубина О. А.
Сахалинский областной краеведческий музей, г. Южно-Сахалинск

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИМЧИНСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОГО САХАЛИНА

(по материалам керамики)

Имчинская неолитическая культура Северного Сахалина к настоящему времени исследована достаточно полно в

результате стационарных раскопок пос. Имчин II, IV, XII. Накопленные материалы позволяют не только дать общую характеристику культуры, но и поставить вопрос о ее периодизации, выделении этапов развития. Данные радиоуглеродного датирования и стратиграфических наблюдений подтверждаются результатами анализа традиций керамического производства.

2. В развитии гончарной традиции имчинской культуры выделяются два этапа. Ранний этап представлен материалами пос. Имчин XII. Керамический комплекс обладает выдержанным единством признаков технологии, форм и орнаментики. Для изготовления посуды использовалась глина, содержащая включения органики; минеральный непластичный отощитель в тесте не отмечен. Отдельные фрагменты позволяют говорить о технике ручного ленточного налепа. На поверхности сосудов визуально не фиксируется слой обмазки, стенки имеют высокую водонепроницаемость. Обжиг низкотемпературный, о чем свидетельствуют коричневатые тона в изломе и бледно-желтая окраска поверхности. Черепок рыхлый, пористый, хрупкий, что обусловливало низкие практические качества посуды. Сосуды плоскодонные; в профилировке верхней части структурно выделен венчик — прямой или слегка отогнутый наружу, слабо выпуклый уступ плечиков. Внешняя сторона венчика в большинстве случаев оформлена горизонтальными каннелюрами. Орнамент на керамике представлен единичными образцами: обрывки композиций из зигзагообразных пунктирно-гребенчатых оттисков, отпечатки мелкозубчатого гребенчатого штампа.

3. Материалы поселения Имчин II дают более сложную картину гончарных традиций. Керамика из жилищ 6,23, небольшая часть коллекции из жилищ 1, 20, 21 обладает признаками, аналогичными керамике пос. Имчин XII. В то же время массовые серии фрагментов из этих жилищ по своим технологическим характеристикам, признакам форм и орнамента можно отнести ко второму, более позднему этапу развития керамического производства имчинской культуры. Среди технологических особенностей — отсутствие в тесте органических включений, наличие у отдельных образцов мелко- и среднезернистой песчаной примеси, слой обмазки на внешней и внутренней поверхностях; выделяются фрагменты керамики ярких красновато-оранжевых тонов, свидетельствующих о совершенстве техники обжига (повышение температур). В целом, посуда данной группы обладает более плотным, спеченным черепком и меньшей водопроницаемостью стенок. Формы сосудов сохраняют основные признаки раннего этапа, но вместе с тем фиксируются и новые черты: помимо традиционных каннелюр на венчиках появляются налепные горизонтальные валики. Разнообразнее становится декор сосудов: композиции из зигзагообразных пунктирно-гребенчатых оттисков в сочетании с криволинейными прочерченными узорами, сетчатый орнамент из пунктирно-гребенчатых оттисков, косые насечки и отпечатки гребенчатого штампа на налепных валиках по внешней стороне венчиков.

Таким образом, выделенные этапы развития имчинской керамической традиции соответствуют, по-видимому, двум периодам во временной эволюции этой культуры. Этот тезис может быть подтвержден анализом морфологических типов каменного инвентаря и серией радиоуглеродных датировок, полученных для ряда жилых комплексов поселений имчинской неолитической культуры.

Зайцева Г. И., Кнорозов Ю. В.
ЛОИЭ АН СССР, г. Ленинград

АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ СЕЛЕНИЙ НА ОСТРОВАХ ИТУРУП И КУНАШИР

Пробы угля взяты участниками Курильского отряда (начальник Ю. В. Кнорозов) Северной экспедиции Института этнографии АН СССР (г. Ленинград) в 1982-1987 гг.; анализ выполнен лабораторией радиоуглеродного анализа под руководством Г. И. Зайцевой, Институт археологии АН СССР (г. Ленинград).

Индекс	Датировка, лет назад	Датировка, от 0 н. э.	Местонахождение
1	2	3	4
Ле-4462	4220±380	2270 до н. э.	Касатка, холм, культ. слой
Ле-2420	4020±40	2070 до н. э.	Рейдово, б. Оля, угольн. сл.
Ле-2167	3610±40	1660 до н. э.	—«—
Ле-2820	3610±40	1660 до н. э.	Березовка, дюна, культ. слой
Ле-2374	3560±40	1610 до н. э.	Лесозаводская, р. Тихая, верхнее жилище, культ. слой

1	2	3	4
Ле-2373	3020±40	1070 до н. э.	—«— нижн. жилище, культ. сл.
Ле-4458	2990±210	1040 до н. э.	Оз. Куйбышевское, правый берег, западная дюна, культ. сл.
Ле-2369	2930±40	980 до н. э.	—«—, восточн. склон, культ. сл.
Ле-2372	2710±40	760 до н. э.	—«—, левый берег, культ. сл.
Ле-2821	2710±40	760 до н. э.	Березовка, Безымянный овраг
Ле-2621	2520±40	570 до н. э.	Оз. Куйбышевское, правый берег, обгоревшая балка
Ле-2367	2460±40	510 до н. э.	о. Купанир, Алехино, очаг
Ле-2419	2410±40	460 до н. э.	Рейдово, б. Оля, жилище, к/с
Ле-2368	2320±40	370 до н. э.	Оз. Куйбышевское, правый берег, погребение
Ле-2371	2210±40	360 до н. э.	—«—, левый берег, высок. бугор
Ле-2370	2170±40	220 до н. э.	—«—, низкий бугор
Ле-4461	2110±160	160 до н. э.	Малая Куйбышевка, очаг
Ле-2623	1930±40	20 н. э.	—«—, бугор

Клюев Н. А.

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Л. Н. ИВАНЬЕВА В ПРИМОРЬЕ

В истории приморской археологии до середины 50-х гг. XIX в. ведущую роль в исследованиях играли краеведы. В дооктябрьский период они были объединены в рамках Общества изучения Амурского края (работы Ф. Ф. Буссе, В. П. Маргаритова, В. К. Арсеньева и др.). В советское время 20-е—начало 30-х гг.) наблюдается всплеск в краеведческом движении в Приморье (образование Владивостокского отдела географического общества, Дальневосточного краевого научно-исследовательского института (ДВКНИИ). Ведущую роль в историческом краеведении играют В. К. Арсеньев, А. В. Гребенщаков, А. И. Разин, а также Л. Н. Иваньев.

Леонид Никифорович родился в 1908 г. в г. Иркутске в

семье служащего. С юношеских лет он начал активно заниматься краеведческой работой, изучать музейное дело. С 1925 по 1929 гг. вел археологические разведки в окрестностях Иркутска совместно с М. М. Герасимовым и под руководством проф. Б. Э. Петри.

Во Владивосток Л. Н. Иваньев прибыл в 1929 г. и вскоре был принят на работу во Владивостокский краеведческий музей сначала на должность научно-технического работника. Вскоре он стал зав. отделом археологии и этнографии, а позднее заместителем директора музея. В 1930 г. одновременно с работой в музее Л. Н. Иваньев был приглашен работать научным сотрудником в Бюро истории при ДВК НИИ.

В музее Л. Н. Иваньев провел большую работу по систематизации археологических и этнографических коллекций, оформлению экспозиций. Эта работа заняла около двух лет. Большую помощь вплоть до своей смерти оказывал Л. Н. Иваньеву В. К. Арсеньев.

Полевые работы Л. Н. Иваньева сводились к небольшим археологическим разведкам в Приморье. Так, в 1931 г. им совместно с А. И. Румянцевым (юннатом музея) было найдено несколько раковинных куч в районе бухты Тихой. В 1936 г. Л. Н. Иваньев принял участие в походе по партизанским тропам группы комсомольцев Дальневосточного пароходства по маршруту Партизанск—Комсомольск-на-Амуре. Было обследовано несколько средневековых городищ в Приморье. В этом же году были проведены разведки в Шкотовском районе. В Бюро истории при ДВКНИИ Л. Н. Иваньеву и А. В. Гребенщикову было поручено составление археологической карты Приморья. Работа проводилась в двух направлениях: первое — путем сбора сведений на местах. Для этого были разработаны 12 карточек на археологические памятники, характерные для Приморья, и разосланы по районным школам. Второе направление — это составление библиографического справочника литературы, содержащей сведения об археологических памятниках. К сожалению, эта работа не была закончена, так как деятельность ДВКНИИ была прекращена в 1932 г.

В 1932 г. Л. И. Иваньев был делегатом от Приморья на Всероссийском археологическом съезде.

В 1936 г. Л. Н. Иваньев был мобилизован в органы НКВД и практически прекратил свою краеведческую дея-

тельность в Приморье. В 1943 г. он переехал в Иркутск, где жил и работал до своей кончины.

Л. Н. Иваньевым было опубликовано 4 работы по археологии Приморья. Наиболее значительная из них — библиографический указатель, вышедший в 1953 г. и охватывающий литературу по археологии Дальнего Востока с 1750 по 1951 гг. (391 работа). В других работах Л. Н. Иваньев опубликовал материалы своих разведок, затронул вопросы периодизации и хронологии янковской культуры. Отнеся эту культуру к неолиту. Л. Н. Иваньев пришел к выводу, что ее датировка лежит в пределах III—II тыс. до н. э. Мнение Л. Н. Иваньева о периодизации янковской культуры было традиционным в приморской археологии. Оно было опровергнуто только после работ А. П. Окладникова в начале 60-х гг.

Исследования краеведов Приморья в дооктябрьский период, а также в советское время, заложили основу для планомерного археологического обследования региона, начатого в середине 50-х гг. профессиональными археологами. Одним из таких краеведов и был Л. Н. Иваньев.

Кривуля Ю. В.
г. Владивосток

МОХЭСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИХАНКАЙСКОЙ НИЗМЕННОСТИ

Мохэские памятники относятся к периоду раннего средневековья — одному из слабо изученных в истории Приморья. Их исследование остается на уровне сбора фактического материала. Невыясненными остаются вопросы, связанные с зонами расселения мохэсцев, характерными признаками местоположения, планировки, внешнего вида мохэских памятников.

На территории Приханкайской низменности выявлены группы мохэских памятников, единые типологически по инвентарю, но различающиеся географически и ситуационно. Первая расположена в южной части равнины, в долинах рек Раковка — притока р. Раздольной, и Абрамовка — притока р. Илистой. В эту группу входит 11 археолгических памятников: поселения Раковка 6, 10. Песчаное 4, 9, Михайловка 1, 2, Камышовка 1; Осиновка (верхний слой) и Зеленый Яр 1, с единичными западинами жилищ, стоянки Раковка 2, Абрамовка 2. Все они расположены в среднем и нижнем течении рек, в основном на оконечностях 15—25 м. мысов, либо на 5—7 м. приустьевых террасах крупных притоков. Памятник Абрамовка 2 расположен на вершине 5—6 м останца надпойменной террасы, поселение Раковка 6 — на юго-западном склоне мысовидной сопки.

Вторая группа расположена на северо-западном побережье озера Ханка. Она состоит из 5 археологических памятников: городище Новоселище, поселений Малый Усач 1, Большой Усач 2. Куркуниха, Новоселище 2. Расположены памятники в среднем и нижнем течении рек, впадающих в озеро, на 3—4 м в уступах первой надпойменной террасы, пологих склонах притоков.

Мохэские памятники имеют хорошо выраженные округлые западины жилищ диаметром 5—7 метров. Их планировка зависела от естественных условий рельефа. Преобладают поселения с бессистемно расположенными западинами. Планировка жилищ рядами характерна только для памятников Раковка 6, Песчаное 4. Количество западин на поселениях — от 10 до 47, но в среднем составляет 10—15. Найдены археологически целые и фрагменты лепных сосудов темно-коричневого, желто-коричневого цвета горшковидной и вазовидной форм. Горшковидные сосуды в 1,5—2 см от кромки украшены овальными и округлыми в сечении налепными валиками, рассеченными вдавлениями различной формы. Вазовидные имеют две орнаментальные зоны: налепной валик под венчиком и по плечикам — волнообразные прочесы, точечные, квадратные, скобкообразные вдавления гребенчатого штампа. Находки орудий труда (железные ножи, поясные пряжки, бусы) единичны.

Мохэские памятники распространены по Приханкайской низменности гораздо шире, чем считалось ранее. Этому способствовали благоприятные для основных занятий мохэсцев — земледелия и скотоводства природно-климатические условия равнины. Интенсивное хозяйственное строительство в этой части края, слабо изученный исторический период, хорошая сохранность большинства памятников обуславливают необходимость проведения на них широких стационарных исследований.

Крупянко А. А.
Музей археологии ДВГУ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ХАСАНСКОМ РАЙОНЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ В 1988 ГОДУ

Летом 1988 года сотрудниками археологического музея Дальневосточного госуниверситета проводились раведочные работы в Хасанском районе Приморского края. Эти работы имели целью осмотр ряда уже известных местонахождений для уточнения их интерпретации, сбора материалов под их паспортизацию, выявление новых археологическсх объектов. Были исследованы прибрежные зоны у пос. Безверхово и устья р. Нарва, п-ов Ломоносова и бух. Перевозной, а также приустьевая часть р. Рязановки в бух. Бойсмана.

Остановимся на описании двух местонахождений. Интерес к ним вызван насыщенностью находками культуросодержащего слоя и перспективностью их стационарного изучения.

Перевозная-1. Памятник обнаружен в 1983 году Д. Л. Бродянским в 7 км севернее пос. Перевозная на 6-метровой морской террасе. Ориентировочная площадь распространения культурного слоя — 250 кв. м. Небольшая коллекция керамики, собранная при обнаружении памятника (в настоящее время утерянная), была отнесена Д. Л. Бродянским к керамике типа Медвежья-3 (Бродянский Д. Л., 1987. с. 159-160). Спорность этого утверждения и необходимость регистрации данного местонахождения послужили причиной для его посещения и исследования в прошедшем полевом сезоне.

Собранный подъемный материал состоял из 132 фрагментов керамики и массивного ладьевидного куранта. Керамика лепная, толщиной 0,4—0,9 см. Венчики прямые, либо слегка отогнутые наружу. Большинство из них оформлены валиком, образующим «единицеобразную» форму венчика, в ряде случаев с насечками. Верхняя часть тулова сосуда украшалась либо налепным валиком, либо прочерченным узором в виде змейки, ограниченной сверху и снизу тремя параллельными линиями, либо штампом, выполненным гребенкой с различным числом зубчиков, половинкой трубки, отступающей лопаточкой.

Анализ собранной коллекции артефактов позволяет, на наш взгляд, усомниться в правильности первоначальной датировки данного памятника и отнести его основной комплекс к периоду раннего средневековья. При этом мы допускаем наличие на памятнике слоя, содержащего материал раннего железного века (янковская культура).

Бойсмана-2. Памятник обнаружен в 1987 г. Д. Л. Бродянским на 4-метровой эрозионно-аккумулятивной террасе на правом берегу р. Рязановка в 0,5 км от побережья бухты Бойсмана. Ориентировочная площадь памятника 600 кв. м.

Кроме сборов подъемного материала, в южной части памятника был заложен шурф (2 кв. м), который дал находки из раковинной кучи и кровли подстилающего его слоя.

Собранная коллекция (более 100 ед.) состоит из изделий из кости (черешковый наконечник стрелы, наконечник гарпуна, ножи, остроконечники, лощила для керамики, раздвоенный обломок рога и др.); из камня (бифасы-наконечники дротиков, галечные грузила с выбоинами для веревки по краям; обломок и целый экземпляр рубящих орудий, подпрямоугольные в сечении, обработанные соответственно шлифовкой и выбивкой; обломок куранта. отщепы и обломки кремнистых пород камня); керамики.

Керамический материал представляет особый интерес, т .к. находки подобной керамики в раковинных кучах крайне редки. Это слабопрофилированные сосуды с плоским дном. Венечная часть сосудов оформлялась налепным валиком (узким волнистым, либо широким (до 1,2 см) с оттисками штампа). Тулово орнаментировалось штампом различной конфигурации (гребенка, отступающая лопаточка, косые и горизонтальные насечки), прочерченными горизонтальными линиями. Иногда венчик рассекался поверху косыми насечками.

Кроме описанного материала, подъемные сборы дали несколько фрагментов керамики янковского облика. Вместе с ними к комплексу раннего железного века мы относим и описанные рубящие орудия, которые также были получены из подъемки.

В целом, даный памятник мы можем предварительно интерпретировать как одну из первых раковинных куч в Приморье с неолитическим материалом.

Подводя итоги, мы можем говорить о предварительном изучении двух новых археологических памятников. Интерес к этому обусловлен слабой, в археологическом отношении, изученностью Хасанского района Приморского края и перспективностью их изучения.

Кузнецов А. М.

Уссурийский гос. пединститут

НЕКОТОРЫЕ ДАТИРОВАННЫЕ ПАМЯТНИКИ ХАСАНСКОГО РАЙОНА ПРИМОРСКОГО КРАЯ

Во время разведки 1981 г. археологической экспедицией УГПИ в Хасанском районе были открыты два новых памятника: Гвоздево-2 и Зайсановка-2, на которых получены образцы для радиоуглеродного датирования. На поселении Гвоздево-2 в стенке прорытой бульдозером канавы был зафиксирован частично разрушенный котлован жилища с остатками сгоревших деревянных конструкций. Раскопки вскрыли две сохранившиеся стенки котлована жилища прямоугольной формы длиной 2.6 и 3,4 м. В заполнении и на полу жилища найдено небольшое количество керамики, в том числе фрагмент венчика сосуда с выделенной шейкой и расширенным туловом, украшенный рассеченным налепным валиком, а также несколько отщепов. По краям котлована лежали обгоревшие деревянные плахи, спускавшиеся на уровень пола, длиной до 30—40 см. Анализ одной из этих плах позволил получить дату 1360±240 (1440±240; МГУ-942). Характер керамики и дата соответствуют друг другу, так как наиболее диагностичный венчик сходен с керамикой мохэских памятников.

На обращенном в противоположную от залива сторону небольшой сопки, расположенной в районе с. Зайсановка, обнаружена стоянка, названная Зайсановка-2. На небольшом вскрытом ее участке обнаружена керамика, украшенная гребенчатыми и штамповыми орнаментами, каменные ретушированные и шлифованные изделия, изделия из кости, раковины морских моллюсков, кости рыб и животных. По определению В. А. Ракова, среди раковин моллюсков представлены: тихоокеанская устрица.

Керамика и каменный инвентарь памятника имеют достаточно определенный неолитический облик. Однако по раковинам получена дата 2730±350; (2860±350; МГУ-937). Эта дата противоречила основному инвентарю, но впоследствии на этом памятнике был вскрыт котлован жилища типа полуземлянки прямоугольной формы площадью 6 кв. м. В жилище и рядом с ним найдены фрагменты неорнаментированной керамики, шлифованные наконечники стрел и другие изделия, обнаруживающие близкие аналогии в материале культур раннего железного века Приморья. Характер заполнения жилища соответствует заполнению участка со скоплением раковин. Новые данные показали, что на Зайсановке-2, кроме неолитического, представлен также комплекс раннего железного века, с которым связаны остатки хозяйственной деятельности, поэтому полученная дата относится к этому позднему комплексу и ее можно принять во внимание.

Таким образом, в бассейне р. Гладкой, недалеко от морского залива обнаружены остатки поселений железного века с небольшими жилищами и немногочисленным инвентарем, но с абсолютными датами, которые представляют интерес в связи с уточнением хронологии железного века в Приморье.

Кузнецов А. М., Тригуб Ф. П.

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА В БАССЕЙНЕ РЕКИ ИЛИСТОЙ

(материалы к археологической карте Приморья)

До недавнего времени палеолит Приморья изучался по материалам отдельных памятников: Осиновка, Устиновка, Раздольное, Олений-1, пещера Географического общества. Начиная с 70-х гг., в бассейне р. Илистой открыта серия новых местонахождений и стоянок позднего палеолита. Эти материалы существенно расширяют источниковедческую основу приморского палеолитоведения и позволяют решить некоторые общие вопросы археологии каменного века края.

Скопления отщепов и расколотых галек обнаружены на высоких террасовидных поверхностях по обоим берегам реки в районе с. Николаевка (верхняя часть долины). Первая серия стоянок открыта в районе с. Горбатка, они расположены на цокольных террасовидных площадках и выступах высотой от 17 до 8 м. К востоку от села находятся стоянки Горбатка-1, 2, 3, 5. На стоянке Горбатка-1 найдены 6 подпризматических нуклеусов, 2 скола с нуклеусов, 4 пластины, 8 галек в начальной стадии обработки, 45 отщепов и отщеп с двусторонней подработкой. Подъемная коллекция Горбатки-2 включает: 49 галек в начальной стадии обработки, 47

подпризматических нуклеусов и заготовок нуклеусов, 6 пластин, 6 сколов переоформления нуклеусов, 3 ладьевидные заготовки, 620 отщепов, тесловидное орудие из гальки, 2 скребка, 3 отщепа с ретушью, 2 ретушированные пластины и небольшой резец с диагональными сколами. При раскопках стоянки Горбатка-3 получена большая коллекция каменных изделий, связанных с двумя слоями. На стоянке Горбатка-5 обнаружены: подпризматические нуклеусы, 3 клиновидных нуклеуса, ладьевидная заготовка, 4 скробка, 2 фрагмента листовидных бифасов. 2 ретушированные пластины, заготовки и отщепы. Стоянка Горбатка-4 открыта в селе Горбатка, в районе стоянки собраны: 7 нуклеусов, клиновидный нуклеус, 7 нуклевидных изделий, 46 отщепов, 3 заготовки и 2 небольших листовидных бифаса.

По левому берегу Илистой между селами Горбатка и Ивановка зафиксировано несколько разрешенных пунктов с отдельными нуклеусами и отщепами, а также стоянки Илистая-1, 2, при раскопках которых получена большая коллекция каменных изделий, сходная с изделиями горбаткинских стоянок. К северо-востоку от этих памятников находится разрушенная стоянка Ивановка-3, на которой собрано примерно 1,5 тыс. каменных изделий, среди них гальки обсидиана и кремнистых пород в начальной стадии обработки, подпризматические. контрударные нуклеусы, пластины, микропластинки и отщепы, заготовки орудий, оббитые тесловидные изделия, листовидные бифациальные наконечники разных размеров, разнообразные скробки, острия из пластин и отщепов, резцы. Еще три стоянки зафиксированы на территории села Ивановка, Ивановка-I находится на террасе у моста через р. Илистая. Собранная А. В. Гарковик коллекция включает 5 галек в начальной стадии сработанности, 2 нуклевидных изделия, фрагмент клиновидного нуклеуса, 140 отщепов, скребок и отщеп с ретушью. Стоянка Ивановка-2 расположена на террасе у кирпичного завода. Здесь собраны: подпризматический нуклеус, клиновидный нуклеус, 5 пластин. 58 отщепов, заготовка орудия, пластина с ретушью, скребок. Ивановка-4 открыта в районе больницы. Материал стоянки: скребок и отщепы. По правому берегу реки на террасовидной площадке между селами Ивановка и Ляличи найдена стоянка Илистая-3. Здесь обнаружены: 2 небольшие нуклевидные изделия, 2 пластинки из обсидиана, скребок, небольшой резец и отщепы. В районе устья р. Абрамовки, притока Илистой, открыта стоянка Абрамовка-I. Из слоя

черно-коричневого суглинка в поставленном на этой стоянке шурфе получены: крупный клиновидный нуклеус из отщепа, пластина с подретушированным концом, скол с площадки клиновидного нуклеуса, обсидиановая пластина и 22 отщепа. Следующие три стоянки найдены в районе с. Халкидон. Халкидон-1 располагалась на северо-западной окраине села, в этом месте собраны: крупный клиновидный нуклеус, скребок, заготовка орудия и отщепы. Стоянка Халкидон-2 расположена южнее первой стоянки. На ней обнаружены: небольшой клиновидный нуклеус, скол с клиновидного нуклеуса и 34 отщепа. Стоянка Халкидон-3 находится в 0,5 км от предыдущего памятника. На берегу реки найдены: небольшой подпризматический нуклеус. 3 клиновидных нуклеуса, скол с нуклеуса, 70 отщепов, а также небольшая заготовка тесловидного орудия, заготовка орудия с двусторонней подработкой, поперечный резец с двумя резцовыми сколами, скребок круглой формы, фрагмент наконечника, наконечник стрелы с ретушью и 2 ретушированных отщепа. Группа распаханных стоянок выявлена на обширном останце 2 км от реки Илистой в районе дороги Черниговка—Хороль. Здесь в 6 пунктах найдены подпризматические клиновидные нуклеусы, отщепы, пластины, изделия с двусторонней подработкой, скребки, ретушированные изделия. Еще одна группа памятников находится на высоких мысах и террасовидных площадках в долине р. Медвежьей, притоке Илистой. Первая стоянка Медвежья-1 находится в 4.5 км к востоку от с. Черниговка. Здесь собраны грубо оббитые изделия, листовидные бифасы, скребок, отщепы. Медвежья-2 находится южнее первой стоянки, здесь обнаружены: листовидный наконечник, грубо оббитое изделие, отщепы. Следующая стоянка открыта в районе с. Горный хутор. На этой стоянке найдены: подпризматический нуклеус, клиновидный нуклеус, отщепы. Недалеко от городища Горный хутор открыта еще одна интересная стоянка, на которой собраны: крупное дисковидное изделие со сколами, 3 подпризматических нуклеуса, пластина, отщепы, изделия из галек. В некоторых местах. в частности, у ст. Тиховодная обнаружены также отдельные орудия. К памятникам бассейна р. Илистой относится также широко известная стоянка на р. Осиновка и памятник Фирсанова сопка, исследованные А. П. Окладниковым. Материал основной части стоянок этого района Приморья обнаруживает близкое сходство по сырью и основным формам изделий. Для всех стоянок также характерно сочетание круп-

ных изделий из галек с микронуклеусами и орудиями из пластин. Данные по стратиграфии этих памятников в радиоуглеродные даты Илистой-1 и Горбатки-3 позволяют датировать эти стоянки ранним голоценом.

Кузьмин Я. В., Ковалюх Н. Н., Лийва А. А.

НОВЫЕ РАДИОУГЛЕРОДНЫЕ ДАТИРОВКИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИМОРЬЯ

До недавнего времени для средневековых археологических памятников Приморья бохайского и чжурчженьского времени существовали только две радиоуглеродные датировки: Водораздельная 1660±140 (МГУ-756) и Сергеевское погребение 780±65 (РУЛ-172). Нами для проверки соотношения радиоуглеродного и календарного возраста хорошо датированных археологически (в том числе по монетам) средневековых поселений Приморья был проведен радиоуглеродный анализ ряда образцов угля из культурного слоя поселений, в том чисе и параллельное датирование образцов в разных лабораториях, помеченное в таблице значком *.

Поселение	Датировка лет назад от 1950 г.	Индекс
Илистая-1	635±20	Ки-3162
Шайгинское городище, жилище 251	908±45*	Ки-3153
—«—	820±50*	ТА-2017
—«—	854±55*	ТИГ
—«—, жил. 255	790±40	Ки-3165
Ананьевское городище	830±60	ТА-2016
Лазовское городище, печь № 2	780±40	Ки-3161
—«—, печь № 3	790±50	Ки-3155
—«—, печь № 4	710±40*	Ки-3154
—«—	742±60*	ТИГ
Осиновка	640±30	Ки-3170

Основная часть датированных поселений относится к XII—XIII векам новой эры (чжурчжэни). Как видно из приведенных датировок, в целом не наблюдается противоречия между археологическим и радиоуглеродным возрастом поселений.

Наблюдаемые расхождения в определении возраста параллельно датированных образцов объясняются небольшим возрастом объектов датирования, поэтому даже незначительные расхождения в подсчете активности бензола (сотые и тысячные доли единицы) приводят к расхождению на 30—40 лет.

Кузьмин Я. В., Базарова В. В., Ринне Т. С., Скрипкин В. В.

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПРИМОРЬЯ (по результатам работ 1987 г.)

В ходе археолого-палеогеографических работ 1987 г. в Приморье была получена серия радиоуглеродных датировок памятников мезолита, неолита, раннего и развитого железного века. Обработка образцов проводилась в Институте геохимии и физики минералов АН УССР (индекс Ки), в Институте зоологии и ботаники АН ЭССР (индекс ТА) и в Тихоокеанском институте географии ДВО АН СССР (индекс ТИГ).

Памятник, слой	Материал	Глубина, м (лет назад)	Возраст	Индекс лаборатории
1	2	3	4	5
Илистая-1, средневековый слой	Уголь	0,20	635±20	Ки-3162
—«—, мезолит	—«—	0,35—0,40	7840±60	Ки-3163
Мустанг-1	—«—	0,80	4660±60	Ки-3151
—«—	—«—	0.50	4050±70	Ки-3152
Посьет—рыббаза	Раковина	0,60—0,80	2700±45	Ки-3174
Устье р. Гладкой	—«—	1,20—1,50	2180±60	Ки-3168
—«—	—«—	0,80—0,90	1900±40	Ки-3172
—«—	—«—	0,50—0,60	1450±45	Ки-3173

1	2	3	4	5
Анучино-1, нижний слой	Уголь	0,45	2430±50	Ки-3166
Круглая сопка, кроуновский слой	—«—		3270±50	Ки-3159
—«—	—«—		3250±45	Ки-3158
—«—	—«—		3125±50	Ки-3157
Круглая сопка, кроуновский слой	Уголь		3020±40	Ки-3156
—«—	—«—		2940±60*	Ки-3160
—«—	—«—		2480±85*	ТИГ
Шайгинское городище, жил. 251	—«—		908±45**	Ки-3153
—«—	—«—		820±50**	ТА-2017
—«—	—«—		854±55**	ТИГ
—«—, жил. 255	—«—	0,70	790±40	Ки-3165
Ананьевское городище	—«—		830±60	ТА-2016
Лазовское городище, печь 2	—«—	0,50—0,60	780±40	Ки-3161
—«—, печь 3	—«—	0,50—0,60	790±50	Ки-3155
—«—, печь 4	—«—		710±40***	Ки-3154
—«—	—«—		742±60	ТИГ
Осиновка, средний слой	—«—	0,60	640±30	Ки-3170
Новоселище-2	—«—	0,30—0,70	1680±70	Ки-3167

Образцы для датирования были предоставлены А. М. Кузнецовым (3162, 3163), А. В. Гарковик (Ки-3151, 3152), Н. А. Клюевым (Ки-3166), В. И. Болдиным, А. Л. Ивлиевым (Ки-3156—3160), Г. Л. Силантьевым (Ки-3165), Ю. Г. Ниткитиным (Ки-3153, ТА-2017), В. А. Хоревым (ТА-2016), О. С. Галактионовым (Ки-3154, 3155. 3161), В. Е. Ермаковым (Ки-3167).

Для проведения контроля датировок по ряду образцов, отмеченным в списке значками *, **, ***, было проведено параллельное датирование в разных лабораториях.

Радиоуглеродный возраст раковинной кучи на устье р. Гладкой, видимо, омоложен из-за перекристаллизации раковинного материала, что отмечалось ранее для опорного памятника яковской культуры Безверхово (Разов, Разова, 1985). Завышен, по сравнению с археологическими представлениями, возраст кроуновского слоя поселения Круглая сопка. Это может быть объяснено на настоящем этапе исследования многократными перекопами культурного слоя поселения и переотложением угля из более древних горизонтов.

В целом полученные новые радиоуглеродные датировки укладываются в археологические представления о возрасте древних культур Приморья и дополняют наши представления о возрасте ряда опорных поселений.

Лаухин С. А., Дроздов Н. И.

ПЕРВОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ АРТЕФАКТОВ НАЧАЛА ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА СЕВЕРЕ ЧУКОТСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В ЮВ части Ванкаремской впадины (рис.) на левом берегу р. Кымынейвеем против впадения в нее р. Милюхейвеем находится г. Кымынейкей, возвышающаяся на 120—150 м над поверхностью низменности. Эта гора представляет собой аккумулятивное образование, сложенное серией морен, разделенных межморенными отложениями. Морены отлагались ледниками, выходившими в плейстоцене из центров на Чукотском хр. по долинам Кымынейвеема и Милютхейвеема в Ванкаремскую низменность. Верхние три морены четко выражены в рельефе. Наложение их друг на друга и создало положительную форму рельефа — г. Кымынейкей. Нижняя и средняя морены образуют срединный моренный вал СВ простирания, который от г. Кымынейкей продолжается далеко на СВ в пределах низменности. Этот моренный вал создан ледниковыми потоками, стекавшими с Чукотского хр. по долинам Кымынейвеема и Милютхейвеема, а севернее современной г. Кымынейкей двигавшихся параллельно друг другу на СВ. Рельеф срединноморенного вала свежий, с камами и озами.

Вершина г. Кымынейкей представляет собой конечноморенный вал ледникового потока, распространявшегося по долине р. Кымынейвеем на расстоянии 100—110 км от центров питания этого ледника на Чукотском хребте. Этот вал имеет очень свежий облик, ориентирован с ЮВ на СЗ и к ЮЗ от него, захватывая нижнюю часть его относительно

пологого юго-западного склона, развито озовое поле.

На склоне г. Кымынейкей на 32 м ниже вершины конечноморенного вала (рис.) пройдена скв. 19 (диаметр керна 152 мм) для изучения отложений, слагающих г. Кымынейкей. Разрез, вскрытый скв. 19, детально изучен С. А. Лаухиным. Эта скв. под погребенным льдом и 2-й сверху мореной вскрыла межморенные суглинки, а затем 3-ю сверху морену, в которой на гл. 32—33 м среди валунно-галечного материала нами обнаружены артефакты, из которых наибольший интерес представляет нуклеус призматического принципа скалывания; изготовленный из гальки темно-серой осадочной породы. Нуклеус имеет скошенную площадку. Поверхность площадки слегка дефлирована. Латерали нуклеуса не обработаны и имеют первоначальную галечную корку. В этой части нуклеуса заметны следы затертости, видимо, следы «путешествия» с мореной. Фронт скалывания образован четырьмя снятиями. Длина нуклеуса 7,5 см, ширина 4,2 см, высота 3,4 см. Если судить по фронту скалывания и скошенной площадке, то нуклеус можно отнести к типу «клиновидных» (наличие принципа скалывания, а не формы). Но здесь нет специально обработанных латералей и киля. Иногда такие нуклеусы называют «ладьевидными» или «торцовыми».

Самые ранние формы клиновидных нуклеусов с подработкой латералей и киля найдены на Северо-Востоке Азии в Якутии — это стоянки Ихине-1 (30—25 тыс. лет), Верхне-Троицкая (23—18 тыс. лет), Майорыч (23—12 тыс. лет). Кымынейский нуклеус более архаичен, чем клиновидные нуклеусы раннесартанского времени Якутии и его возраст может быть древнее 30 тыс. лет.

Остальные артефакты типологически менее диагностичны, и, видимо, во время движения с ледником получили дополнительную подработку.

Пластинчатые сколы. Два из них сняты из светло-серой гальки. Край, противоположный галечной корке, имеет вторичную подработку и слегка притуплен (забит). Скол из черной гальки имеет желобчатое предшествующее снятие. Острый край скола без ретуши. Скребловидные орудия сделаны из мягких осадочных пород. Крутая крупнофасеточная ретушь образует рабочие края.

Поскольку 3-я сверху морена включает артефакты, возраст которых может быть древнее 30 тыс. лет, эту морену и вышележащие две морены следует относить к трем стадиям последнего, сартанского, оледенения. Очень свежий,

«молодой» облик моренного рельефа в районе г. Кымынейкей и севернее на низменности служит косвенным подтверждением такой датировки. Прямым подтверждением сартанского возраста трех верхних морен на юге Ванкаремской впадины является датировка межморенных отложений, подстилающих третью морену у слияния руч. Меньельхин и Надежда на юго-западе впадины. Даты по 14С 39—40 тыс. лет получены по торфу и древесине. Примерно посередине между г. Кымынейвей и датированными по ^{14}C отложениями, также в южной половине впадины, сартанский возраст трех верхних морен обоснован (насколько позволяет метод) палинологически.

Сравнение петрографического состава валунов и галек показывает близость 1-й и 2-й сверху морен на г. Кымынейкей между собой и существенное отличие их от 3-й сверху морены, содержащей артефакты. Это свидетельствует о близости (или тождественности) области питания и транзита моренных отложений 1-й и 2-й морены; а также о том, что 3-я сверху морена отлагалась ледником, имевшим несколько иную область питания и транзита.

Поскольку конечноморенный вал, сложенный верхней мореной, ориентирован вкрест долине р. Кымынейвеем, служащей выводной долиной ледника, отложившего эту морену, можно полагать, что близкие по составу 1-я и 2-я морены формировались стадиальными ледниками, двигавшимися по долине р. Кымынейвеем. 3-я же сверху морена, видимо, отлагалась ледником, двигавшимся по долине р. Милютхейвеем. Центры ледниковых потоков, двигавшихся по той и другой долинам, располагались на Чукотском хребте менее чем в 50 км друг от друга (рис.). Однако состав пород в этих частях хребта, а особенно на протяжении долин, несколько различается. В частности, в бассейне р. Кымынейвеем более широко развиты гранитоиды и габброиды, а в бассейне р. Милютхейвеем — эффузивы и туфы, что ярко отразилось в различиях состава моренных отложений ранней стадии («нижняя», 3-я, морена) от морен средней (2-й) и поздней (1-й морены) стадий сартанского оледенения на г. Кымынейкей. Таким образом, артефакты были принесены на г. Кымынейкей долинным ледником 1-й стадии сартанского оледенения из долины р. Милюхейвеем. Следовательно, во 2-й половине каргинского межледниковья в долине нижнего течения р. Милютхейвеем, вероятно, в предгорьях

Чукотского хребта у выхода реки на Ванкаремскую низменность, существовало поселение палеолитических людей — милютхейцев. В конце каргинского времени климат становился более суровым, на вершинах Чукотского хр. с отметками 1200—1500 м начинают формироваться горные ледники. Затем ледники стали распространяться по долинам в сторону предгорий. Известно (Кинд, 1974), что 1-я стадия последнего позднеплейстоценового оледенения (сартанского, поздневисконсинского) была максимальной для этого оледенения как на северо-востоке Азии, так и в Северной Америке. Один из долинных ледников этой стадии сартанского оледенения, распространявшийся по долине р. Милютхейвеем, разрушил стоянку милютхейцев и вынес артефакты с нее вместе с обломочным материалом в район г. Кымынейкей.

Подрисуночные подписи

Рис. Строение верхней части разреза г. Кымынейкей, расположение этой горы на севере Восточной Чукотки и некоторые примеры артефактов, обнаруженных в третьей сверху моренной толще.
1 — моренные толщи, 2 — межморенные отложения, 3 — флювиогляциальные отложения, 4 — погребенные льды, 5 — положение артефактов палеолита в третьей сверху морене (1-й стадии сартанского оледенения). 6 — граница Ванкаремской впадины, 7 — положение г. Кымынейкей на севере Восточной Чукотки, 8 — водораздельные хребты, на которых развивались области питания долинных, затем полупокровных ледников последнего позднеплейстоценового (сартанского) оледенения.

Лынша В. А.
Уссурийский гос. пединститут

СЕРГЕЕВКА-1 — НОВАЯ НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА НА ЮГЕ ПРИМОРЬЯ

Неолитическая стоянка Сергеевка-1 открыта летом 1988 г. нестеровским отрядом археологической экспедиции Уссурийского пединститута. Стоянка расположена на левом берегу р. Нестеровки, в 3 км к северо-западу от д. Сергеевка. Мес-

тонахождение приурочено к площадке холмообразного выступа, который перешейком соединяется с пологим мысовидным выступом цокольного строения. У подножия выступа проходит насыпная дорога из Сергеевки в пос. Садовый. Примерно в полукилометре от Сергеевки-1, вниз по течению реки, на мысовидном выступе обнаружена стоянка Сергеевка-2 с гладкостенными черепками.

Площадка Сергеевки-1, диаметр которой 30—35 м, находится на 200-метровой отметке от уровня реки. Центральная часть площадки повреждена окопом, на бруствере которого были обнаружены неолитические черепки. Непотревоженные участки слоя сохраняются ближе к краям площадки. Перспективная площадь раскопок 250—300 кв. м.

Разведочной врезкой в северо-западной части окопа выявлена следующая стратиграфия. Гумусовый горизонт A_1 мощностью 10—15 см. Элювиальный горизонт A_2 мощностью 15—20 см, желтовато-бурого цвета, слабо белесый при высыхании, супесчаный с дресвой. Переход в подстилающий слой нечеткий. Горизонт A_2B_1 мощностью 30—35 см, супесь с обильной дресвой красновато-бурого цвета. Культурные остатки приурочены к горизонту A_2 и верхней части горизонта A_2B_1.

Шурф-врезка площадью 3 м^3 дал 195 черепков, 1 обломок двустороннe ретушированного вкладыша подпрямоугольной формы, 2 отщепа из серого камня, 17 отщепов шиферного сланца и 1 эпифез крупного млекопитающего (сохранность плохая).

Собранные черепки принадлежат 12 сосудам. Из 195 черепков 30 орнаментированы, причем все это венчики или подвенечные части сосудов. Черепки сравнительно плотные. В тесте обильно использован отощитель — толченая кварцитовая дресва. Снаружи черепки красноватые, изнутри часто черные, а на изломе — всегда черного цвета.

Венчики сосудов (за исключением одного прямого) слегка отогнуты наружу. В ряде случаев по внешнему краю закругленного среза венчиков сделаны прямые или косые насечки; в одном случае нанесены ромбики мелкозубчатого штампа. Большинство черепков орнаментировано мелкозубчатым штампом. Оттиски штампа в виде поясков, вероятно, образованы прокатом зубчатого колесика. Однако, в некоторых случаях различимы следы пятизубчатой гребенки. На одном венчике под двумя поясками мелкозубчатого штампа располагается поясок косых, параллельных друг другу отти-

сков пятизубчатой гребенки. Имеются также штампы в виде галочек и реже — скобочек.

Археологически целых сосудов нет. Судя по частичной реконструкции, все сосуды относятся к закрытым формам (диаметр шейки несколько меньше диаметра тулова); тулово слегка выпуклое, шейка слабо выражена, донышко плоское. Орнамент зональный — украшается шейка и плечики. Композиции орнамента устойчивы. Сразу под слегка отогнутым венчиком обычно идет поясок двойных галочек, затем — пояски мелкозубчатого штампа. Часто пояски мелкозубчатого штампа чередуются с поясками сдвоенных галочек или скобок. Один сосуд был украшен лесенками скобок, спускающимися с венчика на плечики.

Керамика этого типа сравнительно хорошо известна по подъемным сборам в пределах ханкайского бассейна (Сапфиров, 1985). Среди опубликованных коллекций из сборов Д. Л. Бродянского (1987) близ деревень Петровичи и Сиротинка (Хорольский р-н) имеются черепки, абсолютно тождественные описанным. С открытием Сергеевки-1 эта керамика получает надежную стратиграфическую привязку. Сам сергеевский комплекс от упомянутых сборов выгодно отличается типологической однородностью керамики. Он может быть принят за эталон для выделения керамики «сергеевского типа». Судя по стратиграфии, форме сосудов, орнаментации и составу теста, керамика «сергеевского типа» относится к раннему неолиту Приморья. По форме и ориентации керамике «сергеевского типа» довольно близка, хотя и не однотипна, керамика Синькайлю на китайской стороне озера Ханки. Вероятно, керамика «сергеевского типа» относится к той же культуре, что и керамика Синькайлю. Важно помнить, что керамика однокультурных поселений и могильников всегда плохо увязывается в типологическом отношении. Недавно была высказана идея о том, что памятники ханкайского бассейна образуют особую группу, на основе которой, вероятно, следует выделить «ханкайскую неолитическую культуру» (Сапфиров, 1985). Я поддерживаю эту идею.

Лынша В. А., Губко Е. Д.
Уссурийский гос. пединститут

О РЕЗУЛЬТАТАХ ПОЛЕВЫХ РАБОТ НА ДВУХСЛОЙНОМ МЕСТОНАХОЖДЕНИИ ИЛИСТАЯ-2

Местонахождение Илистая-2 открыто А. М. Кузнецовым в 1976 г. Оно расположено на левом берегу р. Илистой, в 300 м выше по течению от местонахождения Илистая-1, близ д. Ивановка Михайловского района. Летом 1988 г. на Илистой-2 впервые проводились стационарные работы.

Местонахождение приурочено к пологой поверхности 20-метрового террасовидного уступа, цоколь которого сложен андезито-базальтами раздольнинской свиты. На бровке этого уступа был разбит раскоп площадью 80 кв. м.

Стратиграфический разрез по С-З стенке раскопа имеет следующий вид. Гумусовый горизонт A_1 мощностью 7—12 см, комковатый, суглинистый, с обильной корневой системой. Элювиальный горизонт A_2 мощностью 20—25 см, серого цвета, при высыхании контрастно белесый, плотноватый, скрыто слоистый; в средне-верхней части — керамика бохайского времени с небольшой примесью отщепов из подстилающего мезолитического слоя; в нижней части горизонта и на контакте с горизонтом B_1 — артефакты мезолитического слоя. Иллювиальный горизонт B_1 мощностью 20—25 см, бурый суглинок, слоисто-ореховатой структуры, в кровле обильная мучнистая присыпка кремнезема и мезолитические артефакты.

Керамика бохайского слоя представлена 122 черепками от 7 сосудов. Все черепки принадлежат гладкостенным сосудам ручной лепки. Обжиг керамики неровный: цвет черепков варьирует от красного до черного (обычно с внутренней стороны). Пять сосудов горшковидной формы доработаны на круге, на донышке видны следы среза. Венчики этих сосудов резко отогнуты наружу. На плечиках сосудов — орнамент в виде 2—3 поперечных горизонтальных поясков. Два других сосуда — лепные открытые банки со слабо выраженной шейкой; под венчиком располагается треугольный налепной валик (у одного сосуда с насечками). Для всех описанных сосудов имеются однотипные формы на бохайском поселении Николаевское-2.

Коллекция мезолитического слоя включает 5598 предметов. На отщепы, обломки галек и гальки со случайными сколами приходится 94,1 процента коллекции. Имеется 78 нуклеусов для производства пластин. Они изготовлены из уплощенных галек, имеют одну или две скошенные площадки (обычно с полюсным расположением) и, как правило, одну поверхность скалывания. Эти нуклеусы дают пластины с «неправильной» огранкой.

Пластины, большинство которых представлено обломками, разделены на 4 группы: крупные шириной более 20 мм (34 экз.), средние шириной 20—12 мм (61 экз.), мелкие шириной 11—7 мм (57 экз.) и 58 микропластинок. Микропластинки отжимались с клиновидных микронуклеусов.

В коллекции представлено 4 клиновидных микронуклеуса, которые по ранее предложенной классификации (Лынша, 1980) относятся к высоким, гребневым, с диагонально скошенной площадкой. Высота нуклеусов по фронту варьирует от 10 до 20 мм, ширина по фронту от 6 до 10 мм, ширина по латерали — от 20 до 10 мм.

В коллекции имеется 5 ладьевидных изделий с микросняти-ями на торце. Аналогичные «ладьи» обильно представлены в коллекциях Илистой-1 и Горбатки-3. Мы не разделяем традиционную точку зрения, будто эти изделия являются своеобразными нуклеусами для производства микропластин. Эти «ладьи» дают короткие, кривые микропластинки. Они не могут конкурировать с хорошо ограненными микропластинками, отжатыми с многочисленных клиновидных нуклеусов. Эти своеобразные инструменты, вероятно, использовались как стамески для выравнивания деревянных поверхностей. Микросняти образовывались по ходу работы. От похожих изделий с Устиновки и Хоккайдо эти «ладьи» отличаются большим углом заострения и миниатюрными размерами: 8—12 мм в высоту, 10—12 мм в ширину, 15—35 мм в длину. Это изделие мы предлагаем выделить как «ладью ивановского типа» (по серии стоянок близ д. Ивановка, где эти изделия часто встречаются).

Помимо описанных изделий, в коллекции представлены следующие орудия: 10 резцов (7 поперечно-диагональных, 1 срединный, 2 продольных), 7 скребков (3 коротких из пластин и 4 из отщепов), 1 острие с подтеской ударного бугорка, 5 пластин с приостряющей ретушью, 2 пластинки с притупленным краем, 1 скребло из плитки микрокварцита, 1 обломок двустороннеоббитого тесловидного инструмен-

та. В подъемном материале имеется также двустороннеоббитое орудие овальной формы, аналогичное по форме «рубиловидным орудиям» Осиновки.

Описанная коллекция по технико-типологическим характеристикам идентична орудийному набору Илистой-1, для которой по C_1^4 имеются две даты: 8700±60 (Ки-4049) и 7800±60 (Ки-3163). Орудийные комплексы этих стоянок — включая и такие, как Горбатка-3, Артемовка-1, Устиновка-4 и др. — представляют характерные проявления одной и той же локальной мезолитической индустрии, существовавшей 10—8 тыс. л. н.

Мерзляков А. В.

п. Рощино

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ р. БОЛЬШАЯ УССУРКА

В ходе экспедиции историко-краеведческого клуба Рощинской СШ в 1988 г. обнаружено несколько ранее неизвестных археологических памятников в среднем течении р. Большая Уссурка.

Задача 1. Расположена в распадке меж двух невысоких сопок на берегу протоки Б. Уссурки — Заячья, в 4 км к северо-востоку от п. Рощино. Частично разрушена. Собранный материал привязан к светло-серому легкому суглинку, мощностью до 10 см, следующему за гумусированным слоем. Материал представлен фрагментами лепной плоскодонной керамики, толщиной 0,5—0,8 см, с отогнутыми наружу под прямым углом венчиками. Несколько фрагментов орнаментированы сдвоенными прочерченными линиями в виде вертикального зигзага. Обнаружено два фрагмента шлифованых изделий, бусина цилиндрической формы из нефрита.

Заячья-2. Находится на невысокой (8—30 м) пологой оконечности сопки. Отделена от Заячьей-1 глубоким оврагом. Нарушений поверхности памятника практически нет. На поверхности видны неглубокие, террасовидно расположенные западины площадью 10—20 кв. м. С запада памятник отделен от остальной сопки рвом. Археологический материал привязан к светло-серому легкому суглинку с большим количеством щебня мощностью до 0,80 м, следующему

за гумусированным слоем. Наиболее массовый материал — керамика.

Среди тонкостенной керамики (0,3—0,6 см) несколько фрагментов орнаментировано оттисками тонкого шнура, тонким рассеченным налепным валиком, отступающим на 0,4 см от прямого, приостренного края венчика, двойным рядом оттисков, нанесенных трубочкой и расположенных на шейке. Имеется фрагмент сосуда с отогнутым наружу венчиком.

Толстостенная керамика (0,7—1,2 см) не орнаментирована; венчики прямые или слегка отогнутые наружу.

Найдено два наконечника стрел из кремня, оформленных способом двусторонней оббивки и подработанных ретушью. Один — треугольной формы со скошенным основанием, другой — в форме вытянутого пятиугольника. Фрагмент листовидного наконечника, ретушированная пластина, фрагмент ретушированного изделия из халцедона, кремневые и халцедоновые отщепы.

Также имеется два фрагмента шлифованных изделий, фрагмент шлифованного наконечника копья из сланца со слабо выраженной первюрой, цилиндрическая бусина из песчаника, подпрямоугольная подвеска из амазонита. Предположительно Заячью-2 можно отнести к эпохе бронзы.

Стоянка Глинистая. Расположена на левом, высоком (12—15 м) берегу р. Б. Уссурка при отходе от нее притоки Глинистой. Поверхность нарушена поздними строениями. Археологический материал привязан к коричневатому суглинку, плоскодонной керамике с прямыми венчиками. Один фрагмент орнаментирован параллельными прямыми, выполненными при помощи штампа.

В 800 м ниже впадения р. Дальней в р. Уссурка по правому берегу на склоне сопки найдены — фрагмент тулова сосуда, украшенный по всей поверхности кольцевидными отпечатками и широким рассеченным налепным валиком, два мало выразительных фрагмента керамики.

Нестеренко С. П., Рожков С., Батог С.
г. Лесозаводск

ДРЕВНЕЙШЕЕ ПРОШЛОЕ ГОРОДА ЛЕСОЗАВОДСКА

Первый археологический памятник на территории города — Лесозаводское городище, был обнаружен и описан во время археологической разведки, проведенной УГПИ (Сапфиров Д. А., Нестеренко С. П., 1986). В дальнейшем, при проведении на памятнике охранных работ, которые проводил археологический клуб «Лакмус» городской станции юных туристов, появились дополнительные сведения, характеризующие материальную культуру древних жителей городища. Выяснилось, что городище имеет 4 сторожевые площадки, длина валунов от 40 до 100 м, внутри городища находятся 6 западин, расположенных в 2 ряда. В разрушаемых частях городища обнаружены фрагменты керамики, орнаментированные главным образом с помощью роликового штампа (горизонтальные и вертикальные ряды или пояса квадратных, ромбических, прямоугольных, а также треугольных ячеек и др.). Там же найдены фрагменты керамики с выпуклыми украшениями, прорезным орнаментом в виде горизонтальных зигзагов и линий. Идентичные фрагменты были обнаружены на Корсаковском и других могильниках чжурчженьской эпохи (Медведев В. Е., 1988 г.). Кроме этого, на территории городища найдены наконечники стрел 5 видов секторовидный срезень, двурогий срезень, с упором, костяной наконечник ланцетовидной формы ромбического сечения с плоским черепком, ромбический в сечении утолщением по вертикальной оси пера, бронзовый наконечник пламевидной формы.

Во время самостоятельных обследований территории города были открыты еще несколько стоянок, относящихся к различным эпохам: Глазовское городище, городище в районе пионерского лагеря им. М. Горького (городище Лагерное), стоянка на Старой Базе Уссури (Базовая-1). Глазовское городище расположено на мысовидной сопке правого берега реки Уссури в 500-х метрах от с. Глазовка. Периметр городища 90 метров. Границы определены 2 валами, которые защищают 5 неодинаковых по размеру и конфигурации западин. Собранный керамический подъемный материал орнаментирован пальцевыми вдавлениями. Городище Лагерное

характеризуется фрагментами станковой керамики, каменным инвентарем в виде отщепов и ретушированного треугольного наконечника стрелы, что позволяет говорить о наличии на памятнике не менее 2 комплексов: средневекового и более раннего (неолит—бронза). Стоянка Базовая-1 расположена на мысовидной сопке в 20 метрах от реки и в 300 метрах от железнодорожного моста вверх против течения. Во время сбора подъемного материала найдена ретушированная каменая пластинка с двухсторонней пильчатой ретушью, треугольной в сечении у основания и трапециевидной в середине. Длина пластины 58 мм, ширина 8 мм. Обнаружены фрагменты керамики с орнаментом, который предположительно можно отнести к позднему неолиту (гребенчатый штамп, горизонтальные прочерки, валик с пальцевыми вдавлениями по периметру тулова, венчики прямые, слегка отогнутые наружу.

Выполненные работы позволяют сделать вывод о заселенности района в эпоху неолита и средневековья, но остается открытым вопрос о наличии бронзового и железного века. Необходимо также выяснить вопрос о своеобразии имеющихся археологических материалов по сравнению с аналогичными комплексами нижнего Амура и центрального Приморья.

Никитин О.
п. Лучегорск

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ НАРОДНОСТИ УДЭГЕ

Удэгейцы — это народность, живущая маленькими группами на огромной территории, обычаи и культура разных групп различаются. У удэгейцев было две формы захоронения: погребение детей до одного года и захоронение детей старше года и взрослых. Детей до года хоронили на деревьях. Делали гроб из бересты, помещали внутрь ребенка, завернутого в одеяло. Гроб устанавливали в развилке дерева. Это было связано с верованием о том, что если ребенка похоронить в землю, то у матери не будет больше детей.

Взрослых же хоронили несколько иными способами. Так, например, удэгейцы реки Сухпай (приток р. Хор) хоронили

своих родичей в гробах, покрытых берестой или тканью. Гробы ставили в двухскатные шалаши высотой 120—130 см. Около шалаша помещали на высоком шесте деревянную фигурку духа (кукушки). Кроме того, здесь обычно оставляли нарты, лыжи, оружие умершего. В другом шалаше, построенном рядом из вертикально поставленных жердей и коры с плоской крышей, хранились вещи умершего.

В захоронения удэгейцев, живших по притокам р. Уссури, встречаются гробы в виде лодок, что, видимо, связано с их представлениями о загробном мире, т. к. одним из главных занятий удэгейцев является рыбная ловля, поэтому без лодки удэгеец не проживет в загробном мире.

Обряд захоронения усложняется, если умерший занимал влиятельное положение: был шаманом или «князцом». Очень интересен в этом плане способ захоронения шамана на реке Сукпай (1920 г.). Гроб стоял в срубе особой формы со скругленными верхними углами. Сверху он был покрыт корой. Дощатый гроб был завернут в бересту. На переднем конце гроба имелись изображения духов — два антропоморфные, два в виде кукушки, два наподобие тигров. Снаружи перед срубом стояли пять жредей с изображениями кукушек на вершине и два поясных антропоморфных изображения духа.

Во время похорон удэгейцы на месте погребения зажигали костер, на нем «в честь умершего сжигали табак и пищу». На могилы своих родственников удэгейцы никогда не ходят, вблизи их не охотятся, не стреляют, не рубят деревьев. В юрте, там, где жил усопший, вешается его совершенно новая одежда, около нее ставят новые унты, набитые травой. В течение семи дней каждый раз при еде на это место ставится чашка с пищей. Когда все поедят, содержимое чашки выносят и разбрасывают по тайге.

После похорон устраивались поминки, на месте захоронения, которые повторялись в течение нескольких лет. Удэгейцы устривали малые поминки и последние большие. Малые поминки продолжались два-три года. Все время, пока идут малые поминки, душа умершего находится в каком-то промежуточном мире мертвых. В течение времени, пока душа находится в промежуточном мире, во всех домах держали подушки, символизирующие временное пристанище души умершего.

Рянский Ф. Н.
Благовещенский гос. пединститут

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ СРЕДЫ

Для глубокого, правильного понимания физико-географических особенностей каждой территории, ее современный ландшафт следует рассматривать в историческом освещении. Принцип рассмотрения ландшафтов в палеографическом освещении открыл путь к широкому использованию разнообразных исторических и историко-геоморфологических материалов в физико-географических исследованиях. Сочетая плодотворные стороны историко-геоморфологического и историко-географического подходов, советская физическая география достигла крупных успехов в разработке теоретических и методических проблем, в решении актуальных задач прикладного характера.

Последний (после появления человека) этап в развитии ландшафтной сферы изучает историческая география. С. В. Калесник (1961, с. 7) подчеркивал: «В последнее время из палеографии постепенно выделяется историческая география, т. е. наука об изменении ландшафтов за историческое время, происходивших при участии и под все возрастающим влиянием на ладшафты человеческого общества». Л. И. Гумилев (1965, с. 115) рассматривает историческую географию как науку «о послеледниковом ландшафте в динамическом состоянии, для которого этнос является индикатором». В. С. Жекулин (1982, с. 27) формулирует предмет изучения географического направления в исторической географии как систему «взаимосвязанных наук, возникших в двух сферах научных связей — природной и общественной, изучающих физическую, экономическую и политическую географию прошлого человечества в ее взаимосвязи с географией современности».

Для установления истории развития современных ландшафтов существенную помощь может оказать изучение остатков ископаемого человека или его культуры. Следы деятельности человека широко распространены и имеют характерные черты, присущие определенным культурным стадиям, увязывающимися для обширных территорий Евразии с более или менее точно установленными этапами истории чет-

вертичного периода. Поэтому их используют в качестве своеобразных «руководящих окаменелостей». Географическую ценность имеют только лишь те археологические памятники, которые встречаются на протяжении достаточно продолжительного отрезка времени и охватывающие значительную часть четвертичного периода.

Сегодня можно с уверенностью заявить, что использование огня для загона и ловли дичи тысячи лет назад вызвало разрушение растительных сообществ в различных районах земного шара, в том числе и на юге Дальнего Востока. С появлением разумного человека географическая оболочка вступила в качественно новый, исторический этап своего развития, в котором принято выделять четыре основных периода: древнейший (верхний палеолит) продолжался 40—10 тыс. лет назад, древний (мезолит, неолит, бронзовый век) — с 10 до 3 тыс. лет назад, новый (железный век, историческое время) — 3 тыс. лет назад до середины 50-х годов XX века новейший период продолжается с середины 50-х годов XX века до наших дней.

На территории Амурской области зафиксировано более 700 памятников древних человеческих культур. Своеобразное географическое положение Зейско-Буреинской равнины, занимающей почти весь юг Амурской области, благоприятные климатические условия способствовали развитию здесь культур, независимых от прямых влияний. Здесь обитают чуждые северным областям Азии животные, родина которых на юге, в теплых странах Юго-Восточной Азии, Китае, Корее и Японии. Все они, как показал академик Л. С. Берг, сохранились в дальневосточном «убежище», в то время как их современники на западе, где нарастали ледники, складывались приледниковые ландшафты, пострадали. Эти животные уцелели и дожили до новой эпохи, когда сложилась современная климатическая обстановка и оформились современные ландшафты.

В конце III тысячелетия до н. э. в бассейне Амура складывается древнейшая на Дальнем Востоке земледельческая культура, получившая название осиноозерской. Поселения ее известны в основном на территориях современных районов Белогорского, Ивановского, Тамбовского и Михайловского. Ранний железный век на юге Дальнего Востока на рубеже II—I тысячелетий до н. э. представлен рядом памятников урильской культуры, основой хозяйственного строя

которых стали земледелие и скотоводство. Во II тысячелетии до н. э. в Приморье и Приамурье появляется плуг (каменные лемехи). Земледелие сыграло большую роль в дальнейшем прогрессивном развитии здесь материальных культур и несомненно оказали значительное влияние на формирование преимущественно безлесного юга Амурской области на месте бывших здесь ранее широколиственных лесолугов. На значительной части территории области изменены не только растительность, но и почвы, следовательно, на ландшафтных картах часто могут быть произвольно смешаны как реликтовые коренные, так и производные разных этапов хозяйственного освоения территории. Верный и конструктивный анализ должен исходить из генезиса и истории развития ландшафтов.

Исторический подход углубляет мировоззренческое значение географии, ее межпредметные связи и усиливает познавательный интерес учащихся к ней. Наиболее углубленно он может быть раскрыт в новом курсе географии своей области

Сапфиров Д. А.
Уссурийский гос. пединститут

О РАЗЛИЧИЯХ В НЕОЛИТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ ПОСЕЛЕНИЯ КОНДОН

В соответствии с представлениями А. П. Окладникова, поселение Кондон длительное время считалось «эталонным» которых стали земледелие и скотоводство. Во II тысячеледля нижнеамурского неолита. Коллективные публикации неолитических материалов памятника (Окладников А. П., 1983, 1984) позволили проверить обоснованность этого утверждения с точки зрения внешней критики источникков.

Наблюдения по стратиграфии и планиграфии памятника убеждают в наличии на поселении двух разнокультурных и разновременных групп неолитических жилых комплексов с характерной керамикой и, должно быть, каменным инвентарем.

Наиболее ранними жилищами памятника есть все основания считать жил. №№ 4, 5, 10. Котлованы этих жилищ «заплыли» и на поверхности не фиксировались. Плечи половые, разрушенные. Форма жилищ более близка к прямоугольной, контуры «размыты». Центральный очаг овальной

формы. Площадь «пола» до 45 м². На «полу» найдены развалы сосудов с ямочно-гребенчатым и ромбическим, ямочным, ромбическим, чешуйчатым штампованным орнаментом. Венчики сосудов украшены косыми насечками.

К более позднему неолитическому времени относятся жил. №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9. Котлованы жилищ хорошо прослеживались на поверхности. Плечи крутые, реже пологие. Жилища имеют округлую в плане форму, подпрямоугольный (в жил. № 6 — прямоугольный) очаг. Площадь котлованов с учетом внешней границы от 60 до 150 м². Скопления керамики обнаружены только в «жил.» № 3. В нем в пределах котлована зафиксированы 14 археологически целых сосудов со спиральным и меандровым узором, расколотая керамическая антропоморфная фигурка, фалический предмет. Очаг отсутствует. Вне сомнения, комплекс был создан и функционировал в ритуальных целях. Близкий описанному ритуальный набор был открыт В. И. Дьяковым на поселении бронзового века Лидовка-1 в Ю. В. Приморье.

Для дальнейшего обоснования вывода о присутствии на памятнике двух самостоятельных неолитических комплексов, при изучении керамики был применен метод Малмера-Матса (Фр. сосуда, сосуд приравнивался закрытому комплексу. Сочетающиеся на сосуде (фрагменте) орнаменты рассматривались как абсолютно одновременные, сочетающиеся через иной орнамент на разных сосудах (фрагментах) — как относительно одовремненные).

В результате удалось выделить две практически независимые традиции в орнаментации керамики, связанные, как показывает планиграфия, с определенной группой неолитических котлованов.

Для более раннего керамического комплекса характерно сочетание орнаментов, выполненных одиночным геометрическим штампом (треугольники, ромбы, круги, овалы и т. д.), гребенчатым мелкоячеистым штампом (пояса вертикальных (наклонных) вдавлений), прокаткой зубчатого колесика (горизонтальные полосы, дуги), острым концом предметов (прочерченные линии). Наиболее распространенный мотив орнаментации — «амурская плетенка». Зональность колеблется от 1/6 до 2/3 высоты сосудов (в зависимости от формы).

Поздний неолитический керамический комплекс характеризуется сочетанием орнаментов, выполненных налепом

(«растянутая спираль», «вертикальный зигзаг»), гребенчатым штампом («вертикальный зигзаг»), острым концом предметов (меандр, спирали, горизонтальные прочерченные линии), шаровидным штампом (спирали). Ведущие мотивы орнаментации: «вертикальный зигзаг» и спираль. Часть керамики окрашена. Зональность орнаментации достаточно устойчива (1/2—2/3 высоты сосудов). Формы (пропорции) сосудов обоих керамических комплексов различны. Исключением являются усеченно-конические сосуды, широко распространенные в неолите Восточной Азии.

Надежно обосновать культурные различия каменного инвентаря практически невозможно (отсутствуют производственные комплексы, необходимая сопроводительная информация). Не исключено смешение в процессе древней производственной деятельности материалов неолита и докерамического периода.

Выделение на поселении Кондон двух разновременных и разнокультурных неолитических комплексов (на примере стратиграфических и планиграфических различий, анализа керамики) ставит под сомнение все полученные ранее выводы, основанные на сопоставлении неолитических коллекций отмеченного памятника с другими материалами дальневосточного региона. Не удивительно, что смешанным коллекциям Кондона не удалось отыскать близких аналогий. В то же время полученные для Кондона выводы позволяют поставить вопрос о с п е ц и ф и к е понятия «кондонская культура». Неверно, хотя и проще, решение о закреплении понятия за ранними неолитическими коллекциями поселения (и жил. №№ 4, 5, 10). Спешить в данном случае не стоит, так как прежде всего необходимо сравнить наиболее ранний для Кондона неолитический комплекс с другими материалами этого времени и, прежде всего, с колекциями «малышевской культуры» при условии, что для последней будет дан объективный, источниковедческий анализ. Если различия между ними окажутся несущественными (при условии сопоставимости), то необходимость в понятии «кондонская культура» отпадет. Не исключается и иная версия, при подтверждении которой «растворится» понятие «малышевская культура». Что же касается другого неолитического комплекса Кондона (жил. №№ 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9 и связанные с ними материалы), то его можно сопоставить с материалами «вознесеновской культуры», для которой, предварительно, также необходим анализ источников. Возможно, уже

в ближайшее время будут пересмотрены устоявшиеся взгляды, принципиально изменены наши представления о «культурах» неолита Нижнего Амура.

Сапунов Б. С.

Благовещенский гос. пединститут

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Первыми, кто обратили внимание на древности в амурском крае, были, несомненно, русские землепроходцы XVII века. Так, письменный голова Василий Поярков в своих «Отписках» сообщает об укрепленных городках на р.р. Зее и Амуре.

Сведения об археологических памятниках этого региона можно найти у одного из первых русских ученых, обследовавших данный район, — А. Ф. Миддендорфа. Им сообщалось о большом укрепленном поселении в устье р. Ольдоя — следы пахотных гряд, подобные обнаружены и в устье р. Уруши, Горной и т. д.

Через несколько лет на Амуре ведет работы Р. К. Маак, в трудах которого впервые находим сообщения об остатках валов и рвов в устье р. Кумары, на острове, план Албазинского острога и др.

Определенный вклад в дело изучения памятников археологии Среднего Амура внес горный инженер И. А. Лопатин. Он описал и обследовал большое средневековое поселение у с. Новопетровки, Константиновского района, городище Гору-Шапку, укрепления между селами Бибиково и Екатериновкой, Благовещенского района. Им описана мощная крепость, с хорошо сохранившимися укреплениями в р-не с. Марково и др.

Крупный вклад в выявление и описание памятников археологии внес бывший учитель А. Я. Гуров, посвятивший археологии значительную часть своей жизни. С 1899 по 1932 год он обследовал свыше 60 памятников археологии, нанеся их на специальную карту (карта хранится в Амурском областном музее краеведения). Им были проведены первые, частичные раскопки Горы-Шапки, могильника у Дубового мыса, в 5 км от с. Калинино. В 1914 году, по сообщению

А. Я. Гурова, обследовал памятники с. Иннокентьевки, Архаринского района геолог Л. Н. Криштофович, который отнес находки к каменному веку.

В. 1915—1916 гг. на Амуре работала экспедиция под руководством антрополога и этнографа С. М. Широкогорова, при активном участии А. Я. Гурова. Ими была собрана и вывезена археологическая коллекция, насчитывающая 4 тысячи номеров, в т. ч. коллекция с. Урильского. С 1928 года деятельность А. Я. Гурова продолжает неутомимый исследователь-краевед Г. С. Новиков-Даурский. Совместно с бывшим научным сотрудником Ленинградского института археологии А. В. Мачинским они проводят раскопки мохэских памятников в р-не с. Черемхово, Благовещенского района.

Г. С. Новиков-Даурский обследовал и описал свыше 200 памятников археологии, им подготовлены материалы к археологической карте Амурской области.

Новый этап в изучении памятников начинается с осуществления планомерных работ Дальневосточной археологической экспедиции под руководством А. П. Окладникова. В 1954 году им была проведена разведка левобережья Амура от Сретенска до Благовещенска. В. Е. Ларичевым была взята на кальку и описана архаринская писаница. В 1957 году сотрудник ДВАЭ Э. В. Шавкунов принимает участие в археологической разведке, на территории Амурской области, проводимой совместной советско-китайской экспедицией, по определению места строительства ГЭС. С 1961 года в Амурской области ежегодно работают академические археологические экспедиции. В настоящее время археологические работы в Амурской области продолжают отряды Северо-Азиатской комплексной археологической экспедиции СО АН СССР, руководимой А. П. Деревянко, при активном участии преподавателей и студентов Благовещенского пединститута.

Итак, весь период, связанный с историей исследования памятников археологии, можно разделить на 3 этапа:

1. Первые краткие сведения о памятниках археологии (XVII—первая половина XIX вв.).

2. Накопление и частичное исследование памятников (вторая половина XIX в.—1961 г.).

3. Активное изучение и разведка с выходом обобщающего плана научных трудов (1961 — по настоящее время).

В результате многолетних исследовательских работ в Амурской области на сегодняшний день выявлено свыше 750 памятников археологии.

Семин П. Л.

Дальневосточный госуниверситет, музей археологии

РАЗВЕДОЧНЫЕ РАБОТЫ В КАВАЛЕРОВСКОМ РАЙОНЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

1. В 1985 г. Восточным отрядом САЭ были проведены разведочные работы на левобережье приустьевой части долины реки Зеркальной, в результате чего было обнаружено 4 новых археологических памятника.

2. Пункт № 1. Местоположение связано с южным пологим склоном сопки, примерно в 7 км к юго-востоку от с. Зеркального, по дороге на озеро Утиное, часть памятника уничтожена строительством этой же дороги. Собран подъемный материал: фрагменты лепной керамики, среди которых 4 обломка венчиков, оформленных налепным валиком или отгибом венечной ленты в виде «воротничка», 2 фрагмента боковых стенок, орнаментированных прочерченным зигзагом; отщепы и обломки из кремня. Стратиграфические разрезы шурфов показали, что артефакты связаны со слоем супеси коричневого цвета с мелким щебнем. Предварительно этот памятник можно отнести к периоду неолит—бронза. Данное местонахождение получило название Усть-Зеркальная V.

3. Пункт № 2. Расположен примерно в 0,5 км к юго-востоку от пункта № 1 на уровне высокой поймы. Разведочные шурфы и зачистка обнажения показали, что культуросодержащим является слой легкой супеси коричневого цвета. Общая площадь распространения культурного слоя около 1 тыс. кв. м. Коллекция артефактов (подъемные сборы, находки из шурфов) представлена обломками лепных керамических сосудов (около 200 ед.), среди них отметим фрагменты венчиков сосудов, оформленных налепным валиком, в некоторых случаях украшенного ногтевыми оттисками; фрагмент керамики (зона плечиков), орнаментированный 4-мя горизонтально прочерченными линиями. Кроме этого, было найдено около 50 кремневых и галечных отщепов. Из орудий отметим скребок на отщепе, режущее изделие на пластинчатом отщепе, бифас (заготовка ножа?), скребло на утолщенной гальке, точило из песчаника. Памятник получил название Усть-Зеркальная VI и отнесен нами к лидовской культуре (эпоха бронзы).

Пункт № 3. Находится на берегу оз. Утиного (водоем лагунного типа), на уровне высокой поймы, примерно в 8,5 км к юго-востоку от с. Зеркального. Значительная часть памятника уничтожена дорожными работами. Стратиграфия разведочных шурфов показала, что находки залегают в слое супеси темно-коричневого цвета. Коллекция артефактов представлена отщепами, орудиями и их обломками из кремня (около 60 ед.). Из орудий отметим скребловидное изделие на пластинчатом отщепе, концевой скребок, наконечник стрелы листовидной формы, галечное грузило. Обломки керамики малочисленны (фрагменты боковых стенок). Предварительно памятник можно отнести к периоду неолит—бронза. Местонахождение получило условное название «Оз. Утиное».

Пункт № 4. Расположен на невысоком (около 6-ти м) мысе бухты Зеркальной, примерно в 1 км к северо-востоку от пункта № 3. Западная часть мыса занята постройками пионерского спортивного лагеря. Разведочные шурфы, поставленные в восточной части мыса, показали, что артефакты залегают в слое супеси темно-коричневого цвета с мелким щебнем. Находок немного: кремневые и галечные отщепы, фрагменты лепной керамики, среди которых обломки боковых стенок сосудов, орнаментированные горизонтально прочерченными линиями или налепным валиком. Предварительно этот памятник, получивший условное название «Спортлагерь-1», можно отнести к лидовской культуре (эпоха бронзы).

Проведенные разведочные работы показывают перспективность изучения этого района. Из обнаруженных памятников наибольший интерес представляет пункт № 2 — хорошая сохранность, насыщенность находками и довольно большая площадь культурного слоя.

Тарасов Ю. А.

Красноярский гос. пединститут

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ УСТЬ-КОВА

Стоянка открыта в 1937 г. А. П. Окладниковым и является самой северной из всех палеолитических местонахождений Западной и Средней Сибири.

Многослойный памятник изучается КАЭ КГПИ и ЛАПСС ИИФФ СО АН СССР под руководством к. и. н. Н. П. Дроздова.

Проведенные на памятнике исследования позволяют воссоздать реконструкцию среды обитания палеолитического человека на основании данных археологии, геоморфологии, палинологии и т. д.

Широтное течение р. Ангары в позднем плейстоцене находилось почти в середине перигляциальной зоны бассейна р. Енисей и поэтому похолодания, связанные с обеими стадиями сартанского оледенения, во время которых происходило формирование покровных отложений второй надпойменной террасы р. Ангары, содержащих культурные остатки эпохи палеолита, отразились здесь наиболее слабо, а потепления были значительнее, чем в более южных и северных районах бассейна Енисея.

Сартанское время отличается наиболее суровыми климатическими условиями, что вызвало интенсивные солифлюкционные процессы и мощные деформации геологических слоев стоянки Усть-Кова.

По данным спорово-пыльцевого анализа в спектре преобладает пыльца травянистых растений — 75%, пыльца древесной растительности — 19%, где преобладает пыльца карликовой березы.

Это говорит о существовании лесотундровых и степных пространств.

Материалы палеоэкологических исследований стоянки говорят о наличии полярной фауны — мамонта, песца, северного оленя и представителей степной фауны — лошади, бизона. Доминирующее положение занимает северный олень.

Фаунистические остатки животных таежного комплекса — лося, волка — незначительны.

Основные промысловые животные комплекса стоянки — лошадь, бизон, северный олень — обитатели открытых лесотундровых и лесостепных пространств, ведущих стадный образ жизни.

Топография стоянки Усть-Кова, которая располагается на прижатой Ковинским подъемом к Ангаре ограниченной территории, противоречит условиям обитания стадных животных.

Очевидно, охотничьи угодья располагались выше по р. Кове, где открывается обширная равнина и где, вероятно, существуют еще неисследованные временные стойбища.

Туши убитых животных приносили на стоянку расчленёнными (среди костей северного оленя преобладают кости задних конечностей). Все трубчатые кости (включая фаланги) и черепа расколоты с целью добычи костного мозга.

Мясо запасалось впрок (об этом говорит находка задней ноги бизона в анатомической связке).

Кость, рог и бивень мамонта использовались в качестве сырья для изготовления наконечников копий, ножей, шильев, украшений и предметов искусства.

Обилие этих изделий и фаунистических остатков говорят о долговременном охотничьем поселении.

Дальнейшая палеоэкологическая реконструкция стоянки, основанная на новых материалах, позволит создать более полную картину взаимодействия человека и окружающей среды в палеолите Северного Приангарья.

Тарасов А. Ю., Тарасова Е. И.

Красноярский гос. пединститут

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ С ТРУПОСОЖЖЕНИЕМ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ

(по материалам раскопок стоянки Усть-Кова)

В 1984-85 гг. на многослойном поселении Усть-Кова в Северном Приангарье при расчистке II и III культурных слоев был обнаружен комплекс неолитического времени, интерпретированный нами как погребение с трупосожжением.

Погребальная яма имеет в плане круглую форму диаметром 115 см и глубиной 139 см. Погребальная яма прорезает голоценовые и сартанские отложения, дно ее фиксируется на уровне раннесартанского солифлюксия.

Заполнение ямы — светло-серый песок с примазками сажи.

Погребение состоит из двух ярусов.

Археологический материал первого яруса погребального комплекса: обломки топоров, тесел, концевые скребки, фрагменты клиновидных и призматических нуклеусов, пластины и отщепы с рабочей ретушью, вкладыши на сечениях микропластин с зубчатой ретушью по краю, обломки наконечников стрел подтреугольной и лавролистной формы с пря-

мой базой и насадом типа «ласточкин хвост». Изделия имеют следы пребывания в огне.

На дне ямы, на контакте с погребенной почвой обнаружено плотное скопление (диаметр — 46 см, мощность — 28 см) мелких жженых костей человека, несколько сотен (целых, обломков, частично разрушенных в огне) каменных и костяных изделий — второй ярус погребения.

Каменный инвентарь: пластины, отщепы, наконечники стрел лавролистной формы, подтреугольной с прямой и вогнутой базой, вкладыши и призматические микропластинки с обработанным краем, проколки на отщепах, резец на отщепе, микроскебок, фрагменты тесла, обломки призматических нуклеусов. Особый интерес представляет комбинированное орудие — остроконечник — зубчатый штамп для керамики с бифациальной обработкой.

Костяной инвентарь: обломки вкладышевых орудий с 1 и 2 пазами, обломки шильев, иголки, игольника, одностороннего гарпуна.

В нижней части скопления в положении «крест-на-крест» зафиксированы два костяных шлифованных изделия (клинки кинжалов) и тонкое, удлиненное изделие с черешком. По обоим краям его нанесены ровные глубокие насечки, образующие группы в следующей комбинации: по одному краю 5 групп по 3 насечки, по другому — 3 по 5 и 1 по 7 насечек.

Следов пребывания в огне эти предметы не имеют в отличие от всех остальных каменных и костяных изделий.

Находка 1985 г. позволяет интерпретировать комплекс, найденный в 1978 г. в 18 метрах северо-восточнее как погребение с трупосожжением.

Шубин В. О.
Сахалинский областной краеведческий музей

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОГО РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ КУРИЛОРОССИЯ на о. УРУП

1. Археологическим отрядом Сахалинского областного краеведческого музея и Сахалинского отдела географического общества СССР в период 1981—1986 гг. проведены стационарные исследования первого на о. Уруп русского поселения Курилороссия, основаного в 60-е годы XVIII столетия русскими купеческими кампаниями и просуществовавшего с небольшими перерывами до 1877 г.

2. На поселении Курилороссия впервые в практике Сахалинской археологии применена магниторазведка. Измерения местных аномалий магнитного поля Земли производились квантовым магнитометром М-33, предназначенным для регистрации полной магнитной индукции поля Земли. Работы производились в диапазоне измерений ±1 нТ. На каждом пикете снималась серия от 3 до 5 отсчетов, результаты которой осреднялись.

Магнитное поле полигонов оказалось весьма неоднородным. Наибольшие искажения однородности поля обусловлены геологическим строением района. Здесь развиты породы позднеплиоценовой фазы вулканизма. Другим, не менее важным фактором, осложняющим магнитное поле, является насыщенность верхних слоев Земли намагниченными объектами культурного слоя. Здесь найдены металлические поковки, листовое железо, обломки стальных орудий труда и инструментов, обожженные кирпичи, скопления древесного угля, обожженные наземными пожарами участки древней земной поверхности. Значительные искажения поля наблюдались даже в случаях полного или частичного растворения железосодержащих объектов в культурном слое.

3. Особенно оказались насыщенными находками мощные слои строительного мусора и древесной щепы. Здесь найдены металлические скобы, штыри; плотницкий инструмент, кованые гвозди, чугунный котел, гарпуны для промысла морского зверя. Интерес представляют свинцовые пломбы с монограммами РАК, стеклянная посуда, бисер, бусы, изделия из фаянса. Зафиксированы остатки кузнечных горнов, сложенных из морской гальки, каменная вымостка пола наземного сооружения, по-видимому, кузницы.

4. Среди наиболее интересных объектов, исследованных в 1983 г., особое внимание привлекает основание рубленного из местного материала (каменная береза, плавник) жилого помещения. По своему устройству это типичное промысловое жилье. Размеры основания 4×9 м. Предполагаемая высота стен 2—2,2 м. Крыша, скорее всего, двухскатная, почти плоская, крытая дерном. Судя по основанию, имелось три изолированные помещения: жилая комната площадью

около 16 м², тамбур с двумя дверьми (выходящими в северном и южном направлении) и подсобное помещение для хранения припасов. Исходя из наличия остатков вертикально вкопанных столбов, к юго-восточной стенке жилища был пристроен хлев для содержания скота. Жилище было каркасного типа: по углам размеченной площадки вкапывались вертикальные столбы, образующие внешнюю обвязку. Между угловыми столбами, на расстоянии примерно 2 м, установлены вспомогательные опоры. Промежутки между ними заполнялись горизонтально расположенными бревнами, концы которых вставлялись в специальные пазы внешней обвязки.

В 1984—1985 гг обнаружены остатки еще одного жилого помещения казарменного типа и баня. Кроме этого, исследовано восемь котлованов алеутских жилищ полуподземного типа. Все они несут ясные признаки сильного слияния русской культуры.

Среди предметов быта особенно представительна коллекция фаянсовой посуды. Выделяются изделия русского и зарубежного производства. Судя по маркам, среди первых преобладает продукция русских мануфактур из центральных районов страны (братьев Барминых, Гарднера, Кузнецова), а среди вторых — изделия английских мануфактур фирмы Споуд.

6. Параллельно проводились разведки в других пунктах о. Уруп, где в XVIII—XIX вв. селились русские. Однако, ни в заливе Натали, ни в районе озера Токотан пока культурного слоя не обнаружено.

ИСТОРИЯ

Бендюжик Р. Г.
Институт истории ДВО АН СССР

УЧАСТИЕ ПРИМОРЦЕВ В ПОДЪЕМЕ СОВХОЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В 60—70 гг.

Аграрный вопрос, составной частью которого является теория и практика совхозного строительства, был разработан Марксом и Энгельсом еще в конце XIX в. Творчески развивая их учение, В. И. Ленин наметил пути социалистического развития деревни. Его кооперативный план основывался на одновременном развитии двух равноправных форм — колхозов и совхозов. На необходимость создания государственных предприятий в сельском хозяйстве он впервые указал в Апрельских тезисах.

Количественный рост совхозных хозяйств стал стремительно набирать силу с середины 50-х гг. К 1965 г. число совхозов в стране увеличилось более чем в 2 раза, на Дальнем Востоке — в 3,3, в том числе в Приморском крае — в 3,6 раза.

Поворотным моментом в хозяйственной деятельности совхозов стал мартовский Пленум ЦК КПСС 1965 г., выработавший новый курс аграрной политики.

Переоснащение совхозов новой техникой, внедрение механизации повлияли на структуру сельскохозяйственных кадров. За период 1965—1975 гг. в совхозах Приморского края удельный вес механизаторов увеличился с 17,7 до 22,9%. Их готовили 20 сельских профессионально-технических училищ (СПТУ) и 25 филиалов. Кроме того, существовала широкая сеть подготовки кадров непосредственно в совхозах. В лучших хозяйствах действовали школы по обмену опытом. На уровне краевых школ были организованы занятия в совхозах «Хорольский», «Кировский», «Черниговский», «Партизанский».

В развитие совхозного производства внесли свой вклад и специалисты сельского хозяйства. В Приморском крае их число увеличилось как с высшим, так и со средним образованием. Улучшился качественный состав руководящих работников и главных специалистов, а также кадров сред-

него звена. Большую роль в этом сыграла система подготовки и переподготовки специалистов для сельского хозяйства, которая включала организацию факультетов и школ для повышения квалификации, а также ведение дополнительных льгот для сельских жителей при поступлении на учебу. Большая часть специалистов стала пропагандистами передовых методов ведения хозяйства, хорошими организаторами производства.

Много усилий вложили труженики Приморья в наращивание продовольственной базы. В тот период они начали внедрять новую форму организации труда в земледелии — создание комплексных механизированных звеньев, которая повлекла за собой необходимость в изменении оплаты. Безнарядная оплата труда зародилась впервые на Дальнем Востоке в 60-е гг., а официальное признание в стране получила в 1970 г. Среди животноводов стала постепенно распространяться организация двухсменной работы на фермах. В числе первых на новый режим работы перешли коллективы совхозов Ханкайского, Хорольского, Дальнереченского районов. При новой организации труда возникла необходимость усовершенствовать существующую систему оплаты — животноводы перешли на работу по единому наряду.

Труженики приморских совхозов принимали активное участие в разных формах социалистического соревнования. В соревновании за высокую культуру земледелия участвовало 90% рабочих и специалистов сельского хозяйства края. В ходе трудового состязания родилось много ценных починов, инициаторами которых выступали П. И. Елхин, В. Т. Пупей, В. П. Нелюбов, А. Г. Бондаренко и др.

Работа приморцев в новых условиях действования хозяйственного механизма отразилась на их материальном благосостоянии. Среднемесячная заработная плата рабочих совхозов увеличилась в 1,6 раза.

Бабак А.
п. Лучегорск

ЗООМОРФНЫЕ И АНТРОПОМОРФНЫЕ МОТИВЫ В ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ

Древние истоки декоративно-прикладного искусства малых народов Приамурья наиболее отчетливо прослеживаются в орнаменте. В старину женщины украшали одежду, головные уборы, рукавицы, обувь и т. п., мужчины же расписывали жилые и хозяйственные постройки, лодки, нарты, надгробные домики и прочие предметы быта.

Красочный орнамент малых народов Приамурья имеет много общего. Этнографы отмечают традиционность цветочного и лиственного орнамента. Особенно часто передавались стилизованные листья деревьев и морских растений.

Резьба по дереву — традиционное занятие жителей Дальнего Востока, образцы ее являются примерами настоящего искусства.

Расписывались орнаментом и наземные каркасные жилища нивхов и ульчей. На верхних концах стропил, расположенных по обе стороны князевой балки, имелись фигурные зигзагообразные вырезы. Украшались резьбой и два опорных столба, поддерживающих балку в центре помещения. Живописно выглядели нивхские летники-амбары.

На надгробных домиках нивхи обычно вырезали изображения медведей и орнаменты в виде спиралей и переплетающихся лент. Домики богато расписывались цветными красками.

Настоящими произведениями искусства являются всевозможные деревянные ложки, ковши. На их поверхность обычно наносились различные формы ленточного орнамента, мотивы крученых кожаной и крапивных веревок, цепочного орнамента и т. п.

На некоторых изделиях одновременно отражено несколько мотивов. Кроме того, свободное пространство заполнялось узорами листовидной формы, а также всевозможными розетками и птичками. Символический знак в виде солнечного диска, как правило, наносился на лопатообразное дно ковша, который употреблялся на «медвежьем празднике». Именно по сложной орнаментации ковшов и ложек нивхи различали, какие из них годятся для «кормления хозяина воды», а какие — на «медвежьем празднике», в повседневной жизни и на свадебных торжествах.

С середины XIX века у аборигенов Приамурья меховую одежду стала вытеснять одежда, сшитая из тканей. Новые материалы были тут же освоены мастерицами.

Среди многочисленных орнаментальных мотивов передки изображения парных спиралей и листовидных узоров с двумя симметрично расположенными завитками по обеим сторонам. С. В. Иванов пришел к выводу об их широком

распространении у всех без исключения народов Нижнего Приамурья, Приморья и Сахалина. Как правило, это слившиеся парные спирали, парные завитки, фигура, похожая на пальменку или пятилистник, и аналогичная фигура, только с листообразными дополнениями по сторонам.

Не менее своеобразны орнаментальные мотивы в виде скобок, подвесок к халатам, геометрических узоров или небольших звездчатых или простых кружков, а также прямолинейно-геометрический орнамент.

В зооморфных сюжетах наиболее часто встречается рыба. Встречается орнамент и со стилизированными изображениями птиц, в частности, уток, гагар, орлов. Иногда птицы держат в клюве рыбу или парят над водой, расправив крылья. Чаще всего они представлены парами, расположенными симметрично. Мастерицы очень искусно вышивали также эпизоды охоты.

Береста также является широко распространенным материалом, которым местные жители издавна пользовались для самых разных целей. Соседи нивхов — нанайцы и ульчи вырезали из бересты изображения дикого оленя, кабарги, косули, лося, медведя, росомахи, зайца, белки, тигра, летучей мыши, а также пресмыкающихся, птиц, рыб и насекомых. Мастерицы изображали зверей, подчеркивая их видовые особенности. Изюбра, например, можно узнать по рогам и более длинной, чем у диких оленей, шее.

Мозаичный орнамент состоял из простейших прямолинейно-геометрических узоров. Реже встречались ковры, украшенные вышитым орнаментом, характерным для нанайских ковровых изделий.

Не менее богаты орнаментированные украшения на нанайских коврах, в геометрические и спирально-ленточные мотивы которых, выполненные техникой аппликации, вплетены стилизованные изображения птиц, рыб, зверей и змей с фантастической расцветкой.

Особой формой народного прикладного искусства является меховая мозаика. Можно сказать, что это своеобразный прием орнаментирования меховых изделий. По сей день эвенки, негидальцы украшают меховой мозаикой ковры-кумаланы, маленькие круглые коврики и т. д.

Для них характерны в основном те же орнаментальные мотивы, что и в женском искусстве.

Из орнаментированных металлических изделий, прежде всего, следует отметить копье. Копья украшались крайне

стилизованным орнаментом. В сюжеты его входили облачные узоры, четырехлепестковые и более сложные розетки, различные завитки, чешуйки и т. д.

В целом, орнаментировка металлических предметов не получила широкого распространения. Это, по-видимому, объясняется поздним знакомством амурских аборигенов с металлом.

На основании анализа наиболее типичных орнаментальных мотивов коренных народов Приамурья можно сделать вывод о большом сходстве культурных традиций нивхов, орочей, удэгейцев, нанайцев и др. Это, по-видимому, объясняется сходством условий жизни и трудовой деятельности и общими историческими корнями этих народов.

Бондаренко Е. Ю.

Институт истории ДВО АН СССР

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ТРУДЯЩИХСЯ ПРИМОРЬЯ В ПЕРИОД РАЗВИТИЯ И УПРОЧЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА В СССР (1938—1960 гг.)

Социалистический интернационализм является неотъемлемой чертой идеологии и политики советского рабочего класса и его марксистско-ленинского авангарда — Коммунистической партии на всех этапах строительства социалистического общества. В. И. Ленин указывал, что «Сознательный рабочий чувствует и сознает себя не только членом русской марксистской семьи,— он понимает, что он является также членом международной семьи марксистов. Он имеет обязанности и по отношению к рабочему Интернационалу. Он ни на минуту не должен отрываться от международной армии рабочих».[1]

Придавая огромное значение воспитанию трудящихся на принципах пролетарского интернационализма, осуществляя курс на дальнейшее развитие интернациональных связей с зарубежными странами, КПСС опирается на богатые традиции предшествующих поколений, их опыт.

Изучение опыта интернациональных связей трудящихся Приморья является составной частью исследований по исто-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 201.

рии рабочего класса Дальнего Востока СССР и приобретает все большее значение в связи с усилением внимания КПСС и Советского правительства к вопросам интернациональной солидарности, позволяет вести аргументированную критику буржуазных фальсификаций интернациональных связей трудящихся СССР и зарубежных стран.

Актуальность исследования усиливается и его международным значением. Советское Приморье занимает пограничное положение на Тихоокеанском побережье, непосредственно примыкая к странам Тихоокеанского бассейна, что способствует более тесному установлению многообразных интернациональных контактов приморцев с трудящимися зарубежных стран.

Интернациональные контакты приморцев в период 1938—1960 гг. прослежены автором по следующим направлениям: боевые, трудовые, общественно-политические, научные и культурные связи.

Боевые связи отражают участие приморцев в интернациональной боевой помощи МНР, КНР, КНДР, странам Западной Европы в годы Великой Отечественной войны.

Трудовые связи приморцев включают деятельность торгового флота Дальневосточного морского пароходства по установлению трудовых контактов с народами различных зарубежных стран, организацию прибрежной и приграничной торговли, материальную помощь народам братских стран, а также развитие интернационального социалистического соревнования, обмен передовым международным опытом, интернациональное наставничество, подготовку квалифицированных рабочих кадров для народного хозяйства братских стран и т. д.

Общественно-политические связи освещают деятельность партийных, профсоюзных, а также общественных организаций Приморья в 1938—1960 гг. по борьбе за укрепление международной солидарности, дружбы и сплоченности народов мира (Приморское отделение МОПР), Комитет защиты мира, Общество Красного Креста и Красного Полумесяца и т. д.

Научные связи включают материалы об участии приморцев в интернациональных научных экспедициях, международных конференциях и симпозиумах, обмен научо-технической документацией.

Культурные связи отражают участие приморцев в деятельности Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС), а впоследствии в работе Союза Советских обществ дружбы, в деятельности интернациональных клубов моряков и т. д.

В то же время необходимо говорить о недостатках, существовавших порой только на бумаге; неподготовленности многих приморцев к контактам с зарубежными гражданами и т. д.

Ведь глубокое, правдивое знание о прошлом необходимо всем нам. «Мы гордимся каждым своим прожитым днем, — говорил М. С. Горбачев.— И каждый день для нас дорог, даже когда он был тяжелейшим». Потому что это была наша история, наши исторические уроки».[1]

Бутенин Н. А.

Уссурийский гос. пединститут

КАЛМЫКОВСКИЙ ТЕРРОР В НИКОЛЬСК-УССУРИЙСКЕ

В ходе гражданской войны и иностранной интервенции Приморский край на долгие четыре года оказался под властью контрреволюционных режимов, в том числе в крайней форме — атамановщина. Подобная организация белого движения была широко распространена на востоке страны и известна по имени лидеров — гамовщина, семеновщина, анненковщина и т. д. Для всех этих режимов характерен формально казачий состав основных отрядов с их одновременным обрастанием уголовными и полууголовными элементами, военно-диктаторские формы организации власти на подконтрольной территории, разнузданый террор по отношению к противникам (последний трактуется весьма расширительно), беспринципность и своевольство вождей-атаманов, доходящих порой до отрицания верховной власти адмирала Колчака. К этому ряду принадлежит и калмыковщина, оставившая кровавый след в Никольск-Уссурийске. И. П. Калмыков вышел из богатой семьи уссурийских казаков, в годы первой мировой войны в составе казачьих войск находился на фронте, летом 1917 г. получил звание есаула, осенью того же года принял участие в неудавшемся походе Керенского—Краснова на революционный Петроград. Вер-

[1] Агитатор, 1988, № 3, с. 3.

нулся в Приморье уже зимой и в январе 1918 г. на IV съезде уссурийского казачьего войска был избран атаманом. Вскоре на китайской территории (Суйфыихэ) при поддержке японских милитаристов формирует отряд до тысячи штыков и сабель (сюда входили и хунхузы). За исключением короткого периода лета 1918 г. в боевых операциях участия не принимал, ограничиваясь карательной деятельностью.

В Никольск-Уссурийске банда Калмыкова оказалась 9 июля 1918 г., после взятия города белочехами. Белоказаки атамана активно принялись наводить в городе «порядок». Калмыковцами было схвачено и замучено около четырех сотен человек; среди них больные и отставшие красногвардейцы, сторонники советской власти вне зависимости от партийной принадлежности. Среди прочих были меньшевики и эсеры Орлов, Лапин, Любомудров, Бонанев (их имена известны, благодаря отложившимся в архивах ходатайствам об освобождении — большинство исчезало и погибало безымянными). Широко распространены были грабежи и массовые порки. Активными помощниками по части террора были начальник контрразведки города прапорщик Скворцов и начальник милиции Галенбек, бывший эсер. Последний являет собой яркий образец калмыковцев, за связь с торговцами наркотиками он был от должности отстранен и отправлен на фронт в звании поручика.

Следует заметить, что зверства Калмыкова, позднее повторенные на всем протяжении Уссурийской железной дороги, не принесли карателям заметного успеха. Ни один сколько-нибудь известный советский работник Никольск-Уссурийска в число жертв не попал, калмыковская банда большей частью измывалась над нейтральными обывателями, выражая растущее недовольство, а затем и сопротивление народа. Эсеровская газета очень точно определила — «если каждый день драть, то, безусловно, сделаешься левым из левых».

В августе-сентябре Калмыков перебирается в Хабаровск. Причиной этой передислокации было не только перемещение фронта на север Приморья, но и требование интервентов, прежде всего американцев, проявивших определенный интерес к соблюдению на юге края (в зоне частых посещений иностранных интервентов) хотя бы видимости законности и правопорядка. Зимой 1920 г., после разгрома колчаковщины атаман Калмыков бежал на территорию Китая и там был убит.

Бутенина Н. Д.

Уссурийский гос. пединститут

К ИСТОРИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Революционный переворот в России вызвал в первое десятилетие небывалый подъем общественной жизни. Одним из его проявлений стал возрастающий интерес к истории, особенно краеведению. В нищей, разоренной войной и интервенцией стране, порой на одном этузиазме, создавались разнообразные общества, комиссии, музеи; собирались, обрабатывались, публиковались исторические материалы.

Краеведы 20-х годов вели исследовательскую работу стихийно, часто переходя от одной темы к другой, широкое распространение получил «юбилейный принцип». К концу десятилетия был накоплен огромный материал по разрозненным сюжетам. Все более отчетливо осознавалась необходимость суммирования и обобщения всего накопленного. Сейчас трудно говорить, каких бы результатов достигло советское краеведение, не будь оно насильственно свернуто, вогнано в прокрустово ложе диктата и ограничений в начале 30-х гг. История работы над Дальневосточной Энциклопедией — один из эпизодов этого переломного времени.

Идея создания региональных энциклопедий возникла в ходе подготовки к празднованию 10-летия Октября, когда выявилась необходимость «марксистского освещения историко-географических и общественно-политических особенностей» отдельных районов страны. Расстояние между замыслом и его воплощением в те годы было коротким. Уже в январе 1928 г. в Хабаровске началась подготовительная работа по созданию Дальневосточной Энциклопедии. Спустя год крайисполком организационно оформил Совет и Редакционную коллегию Энциклопедии края. По замыслу первый том (из 4 предполагаемых) должен был выйти в свет в 1930 г., остальные — в 1931 г. Издание Энциклопедии ДВК приветствовали и готовы были содействовать все учебные и научно-исследовательские институты края.

О характере и методах работы над Энциклопедией можно судить по деятельности отдела «Гражданская война и интервенция». Его возглавили участники революционных событий Б. Рубцов и А. К. Флегонтов, имеющие опыт подобной работы как сотрудники историко-революционной комис-

сии по организации празднования 10-летия Октября. В задачи отдела входило составление словника, определение объема статей, установление контактов с авторами.

Анализ словника позволяет говорить о традиционной для тех лет проблематике: партизанское движение, советское строительство, в меньшей мере — интервенция, история политических партий (эсеры, анархисты), практически обходились стороной контрреволюционные правительства. Традиционным оставался акцент на воспоминания. Об этом свидетельствуют и обращения в печати и письма к участникам гражданской войны с просьбой сообщить об известных им событиях. География переписки широка: Дальний Восток, КВЖД, Сибирь, Москва.

Одновременно прослеживается тенденция к усилению научности. Так, были предприняты попытки установить контакты с местными и центральными архивами. Редакция обратилась к профессиональным историкам, например, к доценту Владивостокского университета А. А. Великопольскому; сотруднику Культурно-экономического отдела Дальневосточного научно-исследовательского института З. Н. Матвееву; сотруднику института Красной Профессуры Зеленскому.

Таким образом, Редакцией Дальневосточной Энциклопедии была проделана значительная подготовительная работа, собрана большая коллекция материалов. Однако, в 1931 г. она прекращает свою работу. В мотивировке решения отмечались непосильность планов, нереальность сроков. С этими аргументами трудно не согласится, если абстрагироваться от конкретных условий тех лет, когда краеведческая работа сворачивалась повсеместно. Показательно, например, закрытие Сибирской Советской энциклопедии. Обвинение в нерезультативности отпадает. Было издано 3 тома, а 4-й, полностью подготовленный, так и остался в сигнальном (30 экз.) тираже.

Региональная история с ее особенностями становится неактуальной и даже опасной, а ее персонажи из героев начали рассматриваться как враги народа.

Высоков М. С.
Сахалинский областной краеведческий музей

ОРГАНИЗАЦИЯ СВЯЗИ В АМУРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Исключительно важную роль в освоении людьми Дальнего Востока сыграла Амурская экспедиция под руководством Г. И. Невельского (1849—1855 гг.). В ходе работ экспедиции было проведено многостороннее изучение Приамурья, Приморья и Сахалина. На Нижнем Амуре, Южном Сахалине и в Императорской гавани были основаны русские посты. И, самое главное, действия Амурской экспедиции положили конец неясности в пограничном вопросе, стали импульсом для активной дипломатической деятельности при заключении Айгунского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров.

Такое крупное предприятие, каким была Амурская экспедиция, не могло не вызвать все увеличивающегося информационного потока. Успех экспедиции во многом зависел от организации надежной связи руководителя экспедиции Г. И. Невельского как с Иркутском и Петербургом, так и с отдельными отрядами экспедиции. Г. И. Невельской хорошо понимал это. Уже в ноябре 1851 г. он договорился с тунгусами, прикочевавшими в район Петровского поста, о доставке в Аян зимним путем писем и депеш. Почта доставлялась верхом на оленях не менее двух раз в зиму. Летняя почта отправляясь в Аян на казенных судах и судах Российско-Американской кампании, которые совершали два-три рейса в навигацию между Аяном и Петровским постом. Таким образом, участники Амурской экспедиции имели сведения из России не более четырех-пяти раз в течение года. Причем, почта добиралась до Петровского поста очень медленно: из Аяна — от 1,5 до 3 месяцев, из Иркутска — 3,5-» месяца, из Петербурга — более 7 месяцев.

Связь с отдельными отрядами экспедиции и между постами Нижнего Амура, Южного Сахалина и Императорской гавани поддерживалась через специально посланных офицеров и солдат или, чаще всего, через направляющихся по своим делам нивхов. Особый интерес представляет организация связи Петровского поста с постом Муравьевским на Южном Сахалине, основанным Г. И. Невельским 21 сен-

тября 1853 г. И Г. И. Невельской, и начальник Муравьевского поста Н. В. Бусее придавали большое значение связи поста с внешним миром. В течение всех восьми месяцев существования поста Муравьевского с Сахалина в Петровский пост шли карты, донесения, письма.

Таким образом, в ходе работ Амурской экспедиции ее участниками была создана и довольно эффективно действовала система передачи сообщений на расстояние. При этом следует отметить ту роль, которую сыграли в этом малые народности Севера. При организации связи участники Амурской экспедиции широко использовали их знания и опыт, традиционные пути и средства передвижения.

Ещенко Т. Е.

Институт истории ДВО АН СССР

РОЛЬ НАРОДНЫХ МАСС И ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР В ОЦЕНКЕ АМЕРИКАНСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ К. СМИТА

Англо-американские буржуазные авторы активно в своих исследованиях изучают проблему истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке СССР, в частности, роль народных масс и партизанского движения. Среди них в 20-е—60-е годы наиболее полно эту проблему раскрыли в своих работах Г. Нортон, Дж. Стюарт, У. Чемберлин, Дж. Уайт, П. Флеминг, Д. Футман и др.

В настоящем сообщении автор ставит задачу проследить, изменилась ли оценка роли народных масс и партизанского движения в период гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке СССР у буржуазных авторов в более поздний период.

Так, американский историк К. Смит в книге «Владивосток под властью красных и белых. Революция и контрреволюция на русском Дальнем Востоке» говорит о стихийности партизанского движения — тезис, который выдвигали коллеги К. Смита ранее. Так ли это?

22—25 мая 1919 г. в деревне Анучино Никольско-Уссурийского уезда большевики провели Первый повстанческий съезд Приморской области, на котором решались важные

вопросы: состояние вооруженных сил народа, об организации отрядов, о власти, продовольствии, снабжении семей партизан. В резолюции «О фронте» изложили программу деятельности уездных и волостных военно-революционных штабов. Большое внимание было уделено вопросам строжайшей дисциплины. Таким образом, уже первые шаги родившегося повстанческого движения направлялись большевиками.

Американский историк занимает явно необъективную позицию, оценивая роль партизанского движения на русском Дальнем Востоке. Он порой сравнивает действия партизан с действиями китайских хунхузов. Автор в данном вопросе поддерживает точку зрения своего соотечественника К. Мэннинга, который еще в 50-е годы писал о том, что партизаны нападали на мирных жителей, грабили и убивали их. Это бездоказательное утверждение о жестокости партизан по отношению к населению предпринимается с целью очернить действия партизан, прикрыть жестокие акции белогвардейцев и интервентов против мирного населения. Боевые отряды партизан действительно не давали покоя противнику, но их жестокость по отношению к мирному населению — домыслы. Население повсюду встречало повстанцев как своих спасителей от насилия белогвардейцев и интервентов.

К. Смит неоднократно говорит о «пассивности», «безразличии» народных масс к происходящим событиям, тем самым игнорируя решающее значение народных масс, которые под руководством большевистской партии смогли дать достойный отпор внешней и внутренней контрреволюции. Тезис о «пассивности» народных масс не нов в англо-американской исторической литературе. Д. Бринкли, например, писал, что население России было пассивным, нейтральным в гражданской войне, ни белые, ни красные не имели земельной программы, приемлемой для крестьян, и если последние одержали верх над первыми, то лишь потому, что умело манипулировали привлекательными лозунгами для народа. О нежелании принимать участие в гражданской войне писал также Д. Футман: «...для простого человека, не фанатика, это была война, от которой надо было держаться подальше». Как правило, англо-американские буржуазные авторы, прежде всего, имеют в виду недовольство крестьян. Но В. И. Ленин писал, что когда крестьянин увидел, что «...большевистские тяготы были тяготами для победы над эксплуататорами и что колчаковская власть принесла восстановление капитализма..., он сказал сознательно: «Я вы-

браю диктатуру рабочих масс и я пойду на то, чтобы добить до конца диктатуру бюрократической буржуазии,— как он называет диктатуру Колчака,— чтобы была диктатура пролетариата, диктатура народа».[1]

Активная поддержка населением Советского правительства поражала иностранных миссионеров в России. Представитель США Буллит писал в 1919 г.: «Советская форма правления установилась твердо. Быть может, самым поразительным феноменом современной России является всеобщая поддержка правительства населением, несмотря на голод... Положение Коммунистической партии также очень прочное».

Итак, приведенные данные полностью опровергают тезисы буржуазных авторов о стихийности партизанского движения, о пассивности народных масс в борьбе против внутреннего и внешнего врага. Несостоятелен также тезис о жестокости партизан по отношению к населению. Можно сделать также вывод о том, что данные версии автора не претерпели изменений в последние два десятилетия и не выходят за рамки официальной буржуазной историографии. Об этом аргументированно пишут советские историки С. Ф. Фоминых, Ю. И. Игрицкий, Е. С. Лагутин, В. П. Наумов, А. А. Косаковский и др.

Засельский В. И.
Тихоокеанский океанологический институт ДВО АН СССР

Коляда А. С.
Горнотаежная станция ДВО АН СССР

ЮЖНО-УССУРИЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (1916—1929)

С конца XIX в. на Дальнем Востоке начинают формироваться местные краеведческие кадры, которые концентрируются вокруг создаваемых любительских исследовательских учреждений. В 1884 г. во Владивостоке организуется Общество изучения Амурского края, в 1894 г. в Хабаровке — Приамурский отдел Русского географического общества. В Никольске-Уссурийском (ныне г. Уссурийск) по инициативе группы преподавателей женской учительской семинарии и местных военных в 1916 г. было создано Южно-Уссурийское отделение Русского географического общества (ЮУОРГО), задачей которого являлось изучение Уссурийского края в естественно-историческом отношении.

Научную работу активно вел созданный в 1918 г. Ботанический кабинет ЮУОРГО — первое профессиональное научное учреждение на Дальнем Востоке. Руководила им ученица академика В. Л. Комарова Е. Н. Клобукова-Алисова. Сотрудники кабинета занимались изучением флоры, причем с приходом в Приморье Советской власти старались увязать свою научную деятельность с задачами восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства. Ряд экспедиций: Сучанская (1921), Южно-Ханкайская (1924 г.), Средне-Суйфунская (1928—1930 гг.) позволили собрать обширные коллекции и оформить самый большой и лучший на Дальнем Востоке гербарий, которым стали пользоваться многие ботаники страны. В результате исследований по систематике были изданы «Малый определитель растений ДВК» В. Л. Комарова и Е. Н. Клобуковой-Алисовой, а в 1931—1932 гг.—двухтомный иллюстрированный «Определитель растений ДВК» тех же авторов, опубликованы статьи и брошюры.

Наряду с фундаментальными отделение географического общества осуществляло прикладные исследования и хозяйственную деятельность, которые, с одной стороны, были источником денежных средств, необходимых для работы, с другой, оказывали определенное влияние на экономику района. Проводились эксперименты по выращиванию нескольких видов овощей и зерновых растений, в области животноводства, опыты по технологии обработки древесины. Значительную продукцию, в том числе на экспорт, давала созданная в отделении фабрика учебных пособий. Увенчались успехом усилия ЮУОРГО по развитию культуры однолетнего лука, что позволило Дальревкому сократить его импорт на сумму около миллиона рублей золотом. Опубликованная в 1925 г. в «Известиях ЮУОРГО» статья о прядильных культурах дала основание Дальпромбюро принять решение о развитии льноводства и строительстве в Никольске-Уссурийском завода по первичной переработке льна. Шелководческие исследования отделения привели к организации в 1929 г. краевой шелководной станции. Созданный в 1927 г. Кабинет селекции и генетики

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 128—129.

плодовых растений внес вклад в становление промышленного садоводства в Приморье.

Кроме того, в ЮУОРГО проводились археологические исследования (председатель отделения А. З. Федоров), климатологические (П. Н. Рябинин), лесоводственные (Б. А. Ивашкевич), энтомологические (А. И. Куренцов, Т. П. Самойлов), изучали малярийного комара (А. А. Алекторов), водоросли оз. Ханка, где отделение пыталось создать гидробиологическую станцию, и водоемов в окрестностях Никольска-Уссурийского (А. Г. Хахина). ЮУОРГО было одним из организаторов Первого съезда по изучению Уссурийского края, прошедшего в Никольске-Уссурийском в 1922 г., участвовало в Первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока (Хабаровск, 1926 г.).

Ботанический кабинет вел обширную переписку и обмен коллекциями и литературой со многими научными учреждениями как внутри страны, так и за рубежом. В первые годы в работе ЮУОРГО принимал участие известный путешественник и краевед В. К. Арсеньев. Огромную помощь оказывал отделению его почетный член академик В. Л. Комаров.

Отделение воспитало и дало путевку в жизнь известным ученым-дальневосточникам: энтомологу и биогеографу профессору А. И. Куренцову, ботанику И. К. Шишкину, альгологу А. Г. Хахиной, энтомологу Т. П. Самойлову.

Во второй половине 20-х годов, когда в стране получили распространение и усилились административно-командные методы управления народным хозяйством, а организационные формы науки все более стандартизировались, работа ЮУОРГО стала подвергаться критике. Вскоре его своеобразная структура, напоминающая сегодняшние НПО, была «очищена» от производственных подразделений. Лишившись основного источника средств — фабрики учебных пособий, отделение начало испытывать большие финансовые трудности. В немалой степени именно это явилось причиной реорганизации ЮУОРГО в 1929 г. в Южно-Уссурийское отделение Дальневосточного краевого научно-исследовательского института, а в 1932 г. — в Горнотаежную станцию Дальневосточного филиала Академии наук СССР. Деятельность Ботанического кабинета оставила заметный след в истории науки региона, главным образом, в области изучения флоры юга Дальнего Востока. Немалый интерес сегодня, когда идут поиски новых форм взаимодействия науки и производ-

ства, представляет и организационная структура ЮУОРГО.

Подтверждается оценка, которую дал в 1935 г. президент Академии наук СССР академик В. Л. Комаров в письме Е. Н. Клобуковой-Алисовой: «Сделанное Вами не исчезло, оно только приняло иные формы, но в общую сокровищницу культуры Ваш вклад внесен и не забудется».

Ижко Ю. А.

Уссурийский гос. пединститут

«КАДРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» В ГОРОДЕ УССУРИЙСКЕ В 1937—1938 гг.

Массовые репрессии 1937-38 гг., получившие название «кадровая революция Сталина» были проведены и в Уссурийске. Особенно сильно пострадала Уссурийская городская партийная организация. Так, если в начале 30-х годов коммунистов в городе было около 3 тыс., то на 1 мая 1938 г. их осталось только 1 тыс. 190 чел. Только за период с XII городской партийной конференции, проходившей 23 апреля 1937 г. и по XIII партийную конференцию (20—23 мая 1938 г.) из партии было исключено около 400 коммунистов (30 проц. состава парторганизаций). Многие из них были репрессированы органами НКВД. В отчетном докладе XIII городской партконференции называлась цифра арестованных за год коммунистов (203 чел.). Репрессиям подвергались прежде всего партийные, советские и хозяйственные руководители. Так, из состава пленума горкома ВКП(б), избранного на XII городской партийной конференции 23 апреля 1937 г. в количестве 35 членов и 10 кандидатов исключены из состава пленума 26 членов и кандидатов. Из состава бюро городского комитета, избранного в количестве 7 чел., все были исключены из партии и арестованы как враги народа. Среди них репрессированы: секретарь Уссурийского обкома партии Овчинников; секретари Уссурийского горкома партии Сеннов, Бородин П. О.; директор масложиркомбината Ваништейн Б. Я., директор ПВРЗ Гаврилов М. Т., секретарь парторганизации ПВРЗ Скубира Ф. А., машинист-стахановец Скоп Я. Н., директор сахкомбината Мозель П. В., и многие, многие другие.

Необходимо отметить, что руководство Уссурийской об-

ластной партийной организации стремилось сдержать массовые репрессии. Так, выступая на XII городской партконференции в апреле 1937 г., секретарь обкома Овчинников говорил: «Сила руководства партийной организации заключается в том, что надо уметь правильно разбираться с делами товарища и найти правильное решение. Нельзя приклеивать ярлыки товарищам, это затрудняет борьбу с подлинными троцкистами-вредителями».

Но находились и негодяи, которые писали доносы и стимулировали репрессии. На XIII городской партийной конференции в мае 1938 г. назывались: Татаринцев, Черкасов, Телевень (парторганизация ПВРЗ), которые организовали подачу 247 клеветнических заявлений на коммунистов и беспартийных завода; в парторганизации депо Селезнев подал списки на 54 человека; в парторганизации железнодорожного узла при содействии инструктора НКПС Каренгина составили клеветнические списки на 117 человек.

Массовые репрессии руководящих кадров в Уссурийске отрицательно сказались на развитии города. План 1937 года не был выполнен подавляющим большинством предприятий.

Новый кадровый состав в партийных, советских, комсомольских организациях, на предприятиях формировался за счет выдвиженцев. Так, в Уссурийске на 1938-39 гг. на руководящую работу было выдвинуто 822 человека, из них: на партийную работу — 179, на советскую — 105, на административную — 344, на профсоюзную — 52, на комсомольскую — 55, в органы суда — 30, кооперации — 58. Например, Анапко — слесарь АРЗ — был выдвинут начальником монтажного цеха, Премихин — слесарь депо — мастером механического цеха, Примак — бригадир промывочного цеха—начальником цеха.

Ижко Ю. А.

Уссурийский гос. пединститут

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА УССУРИЙСКА В 1922—1940 гг.

В 20—30-е годы г. Уссурийск получил значительное развитие. За 10 лет (с 1925 по 1934 гг.) население города увеличилось более чем в два раза и достигло в 1935 году 80 тыс. человек. С 1934 года по 1939 год г. Уссурийск был областным центром Уссурийской области Дальневосточного края. Были достигнуты определенные успехи в развитии социально-культурной сферы. С 1928 года в г. Уссурийске появился водопровод, протяженность которого к 1935 г. была 12 км. В начале 30-х годов было налажено автобусное сообщение. В 1934 г. автобусный парк города состоял из шести двенадцатиместных автобусов.

Дальнейшее развитие в городе получило народное образование, укреплялась его материальная база. Если в 1927 г. в городе было всех школ 13, в которых обучались около 4 тыс. учащихся, то к 1939 г. в городе было 26 школ, в которых обучались свыше 10,5 тыс. школьников. В 1939 году отряд учителей составлял 210 чел., из них с высшим образованием был 21 учитель. В 30-е годы в городе получило также развитие среднее образование. Действовали 3 техникума: педагогический (133 студента на 1932 г.), корейский педагогический (246 студентов), рисо-политический (400 студентов, из них 108—корейских). Кадры рабочих железнодорожников готовила фабрично-заводская школа, построенная в 1930-32 гг. при паровозо-ремонтном заводе.

Дальнейшее развитие получило здравоохранение. На 1927 год в г. Уссурийске функционировали: горбольница на 115 мест, кожно-венерический диспансер (на 5 мест), небольшая поликлиника. К 1939 г. в городе были: городская больница на 175 коек (16 врачей), детская больница на 25 коек (2 врача), роддом на 100 коек (12 врачей), вендиспансер на 10 коек (4 врача), изолятор на 25 коек (1 врач), 3 поликлиники.

В 30-е годы было уделено определенное внимание развитию детских дошкольных учреждений. Так, если в 1927 году в городе был только один детсад, то к 1939 году в городе действовали: 1 детский дом, 5 детских яслей, 12 детских садиков. В них было 759 детей.

Культурная жизнь города развивалась на базе городского драматического театра, который был открыт в 1930 году. Первоначально профессиональных артистов в театре не было. Организатором и руководителем первого театра на общественных началах был Николай Иванович Уралов. Крупным очагом культуры в городе был клуб им. Чумака, построенный в 1926 году в основном силами коллектива железнодорожных мастерских. При клубе действовали 14 кружк-

ков: драматический, украинской песни, агитбригада, радиоредакция, радиостудия, духовой оркестр, симфонический оркестр, библиотечный, фотокружок и др. В городе действовали: цирк, 4 парка отдыха, 6 рабочих клубов, 2 кинотеатра, 32 избы-читальни, 11 библиотек. Следует отметить, что социальное развитие города шло крайне медленно. К началу 40-х годов в городе не было дорог с твердым покрытием, начавшееся строительство таких дорог по ул. Некрасова и по ул. Чичерина проходило крайне медленно. В городе не хватало бань, прачечных, школ, медицинских учреждений, кинотеатров. Остро стоял вопрос с жильем. Жилищные условия уссурийцев в 30-е годы не только не улучшались, а наоборот, ухудшались. Так, если в 1931 г. на одного жителя Уссурийска было 3,3 кв. м жилой площади, то в 1935 г. только 2,4 кв. м. В целом, в 1935 г. жилая площадь в городе по сравнению с 1931 годом увеличилась на 5 проц., а численность населения города за это время возросла на 31 проц. (в 1931 г. в городе проживало 55 тыс. чел., в 1935 г. — 81 тыс. чел.). Те остаточные средства, которые выделяли на развитие социальной сферы города, осваивались крайне неудовлетворительно. Так, например, на 1939 год было выделено 13,6 млн. руб., из которых за первые 6 месяцев было освоено 1,1 млн. руб. (8 проц.). Социальная строительная программа в целом не была выполнена и наполовину.

Определенное развитие в городе получили физкультура и спорт. 1929-30-х годах по инициативе комсомольцев-железнодорожников на железнодорожной слободе был построен стадион. В те годы особой популярностью среди молодежи пользовались такие виды спорта в летнее время, как футбол, волейбол и легкая атлетика; в зимнее время года — хоккей, катание на коньках и ходьба на лыжах. Футбольная, хоккейная и волейбольная команды железнодорожников Уссурийска неоднократно были победителями на областных и краевых соревнованиях. Интересной формой организации жизни, быта и отдыха молодежи была созданная комсомольцами ПВРЗ в 1929 г. бытовая коммуна. В ее состав входили 21 человек. Все денежные средства, заработанные членами коммуны, входили в общую кассу. Коммунары учились, принимали активное участие в общественной жизни города. Впоследствии многие из них стали заметными людьми: Перегон Федор — секретарем горкома ВЛКСМ, Двоенко Леонид — начальником цеха ПВРЗ, Шелковников Данар и Огнев Николай — военными, дослужившимися до звания полковника, Циганок Вера стала врачом; Кульбида Александр, Барская Аня, Червенец Иван — партийными работниками. Коммуна распалась в 1933 г. Жили коммунары в заброшенном бывшем поповском доме.

Жизненный уровень трудящихся Уссурийска в 30-е годы улучшался. Заработная плата рабочих выросла в 2, а на некоторых предприятиях более чем в 2 раза. В начале 30-х годов заработная плата рабочего составляла от 120 до 400 рублей. Цены на ряд товаров были следующие: сахар — 80 коп. за килограмм, соль — 10 коп. за килограмм, чай — 4 руб. за килограмм, сливочное масло — 2 руб. 14 коп. за килограмм, яйца — 40 коп. за 10 шт., ситец — 50 коп. за 1 метр, керосин — 21 коп. за 1 кг.

Таким образом, в 20—30-е годы облик города Уссурийска значительно изменился. Город стал крупным культурным и промышленным центром на Дальнем Востоке.

Исхаков О. Ф.

Уссурийский гос. пединститут

РОЛЬ А. З. ФЕДОРОВА В СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮЖНО-УССУРИЙСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Прошло семьдесят два года со времени создания Южно-Уссурийского Отделения Приамурского Отдела Русского Географического общества в Никольске-Уссурийском.

Одним из инициаторов организации Отделения явился Александр Зиновьевич Федоров, неутомимый подвижник науки. Выпускник Петербургского учительского института, он приехал в Никольск-Уссурийский преподавателем математики, по необходимости ему пришлось вести и географию, в результате Федоров вышел на проблемы этнографии и археологии Приморья. Благодаря своей целеустремленности и кипучей энергии, он сумел привлечь к исследованиям передовой слой интеллигенции города, что во многом способствовало организации и открытию Отделения Географического Общества.

Идею об организации Южно-Уссурийского Отделения Приамурского отдела Русского Географического Общества А. З. Федоров выдвинул еще в 1914 г., но потребовалось, од-

нако, два года, прежде чем планы были реализованы в действительность.

25 марта 1916 года (ст. стиля) при ближайшем участии А. З. Федорова, П. Н. Рябинина, Т. П. Гордеева, В. А. Грачева — инициативной группы преподавателей учительской семинарии, состоялось открытие Отделения Географического Общества в Никольске-Уссурийском. Несмотря на множество возникших преград и трудностей, Южно-Уссурийское Отделение Географического Общества получило свое право на существование. Организация в городе научного общества имела большое значение для развития науки и культуры, оно объединяло интеллигенцию города, было местом интеллектуального общения, научно-исследовательской работы его членов, это давало самостоятельность в решении выполнения исследовательских работ, начатых в стенах Учительской семинарии, так как возможности там были ограничены. Отдаленность города Хабаровска сдерживала систематическое изучение Южно-Уссурийского края на месте.

Научная деятельность отделения была подготовлена работами А. З. Федорова по археологии края еще с 1914 года. Археологические изыскания и раскопки были основной научной деятельностью отделения и проводились вплоть до создания ботанического научного кабинета в 1918 г.

Отделением были снаряжены несколько других экспедиций, в том числе и за Богуславским метеоритом. Археологические исследования и экспедиция за метеоритом принесли Южно-Уссурийскому Отделению определенную известность в научном мире страны.

Исхакова О. Д.

Ленинградский гос. университет

БОРЬБА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ БОЛЬШЕВИКОВ ЗА АРМИЮ В ПЕРИОД ТРИУМФАЛЬНОГО ШЕСТВИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Период с октября 1917 г. по февраль 1918 г. В. И. Ленин называл триумфальным шествием Советской власти. Именно в течение этого периода осуществлялась борьба за установление власти Советов в Амурской и Приморской областях Дальневосточного края. Большую роль в этой борьбе сыграли солдатские массы Приамурского военного округа, матросы Сибирской и Амурской военных флотилий. На названных территориях размещалась основная часть войск Приамурского военного округа. К осени 1917 г. в составе округа числилось свыше 45 тысяч солдат, матросов и офицеров; они размещались в более чем 20-ти гарнизонах края. Наиболее значительные гарнизоны соответственно были в самых крупных городах края: Владивостоке, насчитывающем к указанному времени половину всей численности войск округа, Хабаровске, Благовещенске, Никольске-Уссурийском и т. д. В этих условиях позиция вооруженных сил во многом определяла соотношение противоборствующих сторон, ход и исход борьбы в период установления власти Советов в крае.

Упорная борьба дальневосточных большевиков за армию развернулась в округе еще до Октябрьской революции. После победы Октябрьской революции в Петрограде наступил новый этап в борьбе большевистской партии за армию. Чтобы окончательно сломить сопротивление эксплуататорских классов, надо было полностью лишить их военной опоры. На это были направлены усилия социал-демократических большевистских организаций Дальнего Востока. Выделившись в сентябре-октябре 1917 г. в самостоятельные организации, они боролись за строительство в войсках широкой сети большевистских групп и ячеек. Максимально приближенные к солдатским массам, эти организации призваны были привлечь солдат на сторону пролетарской революции, вырвать их из-под влияния меньшевистско-эсеровских партий. Партийные ячейки имелись в частях Владивостокского гарнизона. Руководство ими осуществлялось военной организацией при городском комитете партии, в состав которого входили солдаты-большевики С. Гуляев и Я. Кокушкин. Большевистская военная группа была создана в Никольско-Уссурийском гарнизоне; в октябре пять ее представителей: товарищи Гапон, Батюков, Маликов, Мурашкин, Зубарев вошли в партийный городской комитет РСДРП(б). Решение приступить к созданию большевистских групп во всех ротах, эскадронах и батареях гарнизона, «объединив их в одну мощную группу», приняло общее собрание солдат Благовещенского гарнизона, состоявшееся в конце ноября 1917 г. В этом остром политическом противоборстве решающую роль сыграли первые декреты Советской власти. Силу декретов с первых дней их появления вынуж-

дена была признать и буржуазная печать. Комментируя убедительную победу списка большевиков во Владивостоке при выборах в Учредительное собрание, автор меньшевистско-эсеровской газеты «Амурское эхо» писал: «Подсчитана половина участков. Большевики — первое место. 10830 голосов дали преимущественно казармы солдатских участков. Ленинские декреты о земле, и мире, экстренно выпущенные, продавались как телеграммы и сыграли роль». (Амурское эхо, Благовещенск, 16 н., 1917).

С победой социалистической революции на повестку дня стала задача слома старой армии. В. И. Ленин писал: «Первой заповедью всякой победоносной революции — Маркс и Энгельс многократно подчеркивали — это было: разбить старую армию, распустить ее, заменить ее новой». (Полн. собр. соч., т. 37, с. 295). Как мера переходная на пути к уничтожению старой армии и замены ее советской военной организацией, предполагалась ее дальнейшая демократизация. Главное, необходимо было вырвать власть в армии из рук реакционного командного состава, овладеть ее центральным аппаратом. Подобная задача стояла перед большевиками Дальнего Востока: взять управление военным округом в свои руки, отстранив правоэсеровского окружного комиссара Ходорова и военное командование во главе с генерал-лейтенантом Мандрыкиной. Осуществлено это было III съездом Советов Дальнего Востока, проходившем 14—27 декабря 1917 г. и провозгласившим установление власти Советов на Дальнем Востоке. Для руководства военным строительством при Дальневосточном краевом комитете Советов был образован краевой военный комиссариат — центральный орган управления вооруженными силами округа. Военным комиссаром был избран один из руководителей военной комиссии Владивостокского Совета большевик, офицер Э. К. Кистер.

15 января 1918 г. Совет Народных Комиссаров принял Декрет об организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Привлечение лучших, наиболее сознательных солдат и офицеров старой армии в ряды Красной Армии явилось естественным продолжением и завершающим этапом политической работы партии боольшевиков среди солдатских масс по завоеванию их на сторону пролетариата.

Кобыльников Г. П.

Ленинградский гос. пединститут им. А. И. Герцена

КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ПРИМОРСКОГО СЕЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Забота о человеке, о всестороннем развитии личности составляет сущность теории и практики научного коммунизма.

Разрабатывая концепцию строительства социализма в нашей стране, В. И. Ленин научно обосновал, что одной из главных закономерностей строительства нового общества является революционный переворот в сфере духовной культуры. «Недостаточно безграмотность ликвидировать, — отмечал В. И. Ленин,— ...нужно еще строить сельское хозяйство, а при этом на одной грамотности далеко не уедешь. Нам нужно громадное повышение культуры».

Необходимо разнообразить формы приобщения крестьян к культуре, искусству, предлагая рабочим города оказывать помощь крестьянству в культурном развитии деревни.

На нынешнем этапе развития советского общества город развивается и благоустраивается, прежде всего, в расчете на горожанина, как «усредненного» нормативного потребителя (норматив на 1000 жителей). В результате такого подхода в большинстве городов Приморского края, в том числе во Владивостоке, Находке, Уссурийске, Арсеньеве и в ряде других городов Приморского края ликвидированы даже дома колхозников, дававшие ранее гарантированный приют колхозникам, в частности, и сельскому жителю в целом. Та же судьба постигла и крестьянские чайные, рестораны, специализированные магазины.

Доступность городов — центров обслуживания, смягчает недостаточную развитость культурно-бытовых центров в сельской местности. Но для Приморского края характерна автономность сельских поселений. Поэтому, наибольшая потребность ощущается в преимущественном развитии таких городов, как Уссурийск, Арсеньев, Спасск-Дальний, Дальнереченск, а также рабочих поселков, таких, как Дальнегорск, Кавалерово и ряда других.

Но даже приоритетное развитие этих населенных пунктов не решит проблему, если мы не подвергнем пересмотру

нормативный подход к размещению учреждений транспорта и связи.

Необходимо кардинальное развитие дорожно-транспортной инфраструктуры, которая, в свою очередь, также ограничит автономность сельских поселений и будет способствовать культурному развитию Приморского села.

«Страна, сравнительно слабо населенная, но с развитыми средствами сообщения,— писал К. Маркс,— обладает более плотным населением, чем более населенная страна с неразвитыми средствами сообщения».

Строительство дорог, развитие общественного и индивидуального транспорта, сети радио- и телевещания, телефонной сети, книгоиздательского дела и периодической печати, всех средств сообщения и связи, существенно сократит пространственно-временную удаленность сельских населенных пунктов и положительно скажется на культурном развитии Приморского села.

С другой стороны, интенсивный подъем культуры села, духовный рост сельского населения, всестороннее развитие личности невозможны без использования всего культурного потенциала социалистического общества, без всесторонней нарастающей помощи города селу.

Куцый В. Ю.

Ленинградский гос. пединститут им. А. И. Герцена

ВНУТРЕННЯЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ В ПРИМОРЬЕ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1920—1922 гг.)

1. Важную роль в освещении проблем истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке играет анализ состояния внутренних контрреволюционных сил в Приморье периода 1920—1922 гг., в борьбе с которыми отстаивались завоевания Советской власти. Этот вопрос — один из слабо разработанных в имеющейся исторической литературе, посвященной гражданской войне и интервенции на Дальнем Востоке. Исследования ограничиваются только поверхностной констатацией фактов истории контрреволюционного движения в Приморье периода 1920—1922 гг. Существующие работы не анализируют процессы и явления, которые происходили в реакционном лагере, основное внимание сосредотачивалось на борьбе рабочего класса и крестьянства Дальнего Востока против внутренней и внешней контрреволюции.

2. Приморье занимало особое положение на Дальнем Востоке в период гражданской войны. Являясь наиболее плотно заселенным; обжитым, экономически развитым районом Дальнего Востока, Приморье, и особенно южная его часть с г. Владивостоком — промышленным, хозяйственным, культурно-административным центром Дальнего Востока, крупным торговым портом и военной гаванью на Тихом океане, было важным экономическим, политическим и военно-стратегическим плацдармом для дальнейшей политической и экономической экспансии интервентов и внутренней контрреволюции.

3. Характерной особенностью гражданской войны на Дальнем Востоке и, вчастности, в Приморье, является то, что она проходила в особо сложной политической обстановке и приняла затяжной характер. Основными же причинами затяжной и упорной борьбы с блоком контрреволюции в Приморье периода 1920—1922 гг. были:

1) Существование в Приморье крупных вооруженных сил интервентов (Япония, Чехословакия, Китай, США, Англия, Франция и др.). а после эвакуации союзных держав в апреле 1920 г.— наличие еще более чем 100-тысячной армии Японии.

2) Экономическая экспансия империалистических держав в Приморье.

3) В Манчьжурию и Приморье стекались из европейской части России, Урала, Сибири остатки контрреволюционеров всех мастей, выброшенных оттуда пролетарской революцией и Красной Армией.

4) Среди населения Приморья была значительная прослойка зажиточных крестьян («стодесятинников»), верхушка уссурийского казачества, городской буржуазии — основная опора внутренней контрреволюции.

5) Отсутствие непосредственной помощи приморским партизанам со стороны вооруженных сил Советской России.

6) Социально-экономическая и политическая оторванность Приморья от центральных районов России.

7) Вероятность военного столкновения с Японией и не-

возможность Советской России вести войну на два фронта.

8) Нестабильное политическое положение Приморской области в рамках ДВР.

9) Наличие в Приморье контрреволюционных правительств, выступающих с идеей отторжения дальневосточных территорий от Советской России и проводящих политику «черного буфера», в противовес «красному буферу» — ДВР.

10) Тактические ошибки большевистской организации Приморья.

4. Хронологические рамки 1920—1922 гг. соответствуют заключительному периоду гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. В данный период наиболее четко проявляется сущность и многообразие форм внутренней контрреволюции. Сложная социально-экономическая и политическая обстановка в Приморье 1920—1922 гг., оказывающая влияние на состояние внутренней контрреволюции, дает возможность выделить следующие этапы этого движения:

1) 31 января—10 июля 1920 г.— взятие власти Приморской областной земской управой после разгрома Колчака Руководящая роль большевиков в Приморском правительстве. Реакция формирует свои силы сообразно новым условиям.

2) 10 июля—12 декабря 1920 г.— правительственный кризис, буржуазия в Приморском правительстве в большинстве. Контрреволюция активизируется, предпринимаются попытки оторвать Приморье от ДВР и превратить его в антисоветский плацдарм — «черный буфер».

3) 12 декабря 1920 г.—26 мая 1921 г.— подчинение Приморской земской управы — «Временного правительства Дальнего Востока» — ДВР. Провал его контрреволюционной политики, формирование сил для переворота.

4) 26 мая 1921 г.—8 августа 1922 г.— контрреволюционный меркуловский переворот, установление в Приморье диктатуры буржуазии. Строительство «черного буфера».

5) 8 августа—25 октября 1922 г.— приход генерала Дитерихса к власти, установление монархической военной диктатуры, чуждой не только трудящимся, но и большинству буржуазии. Полный разгром внутренней контрреволюции и изгнание интервентов.

6) Неоднородная социально-экономическая, политическая основа лагеря внутренней контрреволюции привела к отсутствию единства в путях достижения целей, к различным тактическим шагам в области экономики, политики, идеологии; наличию большого количества контрреволюционных организаций; идейному разброду; к ожесточенной борьбе за власть и главенство в среде российской дальневосточной реакции.

Не менее важными факторами, способствовавшими краху внутренней контрреволюции в Приморье, были:

— отражение той или иной контрреволюционной организацией дальневосточных интересов отдельных империалистических держав, главным образом, Японии и США;

— всецелая зависимость внутренней контрреволюции от международного империализма;

— межимпериалистические противоречия в дальневосточном регионе, которые ослабляли и без того шаткое положение внутренней контрреволюции в Приморье в 1920—1922 гг.

Все эти внутренние и внешние факторы обеспечивали крушение организационного и идейного единства блока контрреволюционных сил в Приморье под воздействием все возрастающего революционно-патриотического движения рабочего класса и трудового крестьянства Дальнего Востока, возглавляемого большевиками.

Лазарева С. И.
Институт истории ДВО АН СССР

СОВЕТЫ ПРИМОРЬЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Советы в качестве демократической формы организации государственной власти были созданы рабочими массами в ходе революции 1905 г. Они активно развивались после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. После победы Октября, когда Советское государство возглавлял В. И. Ленин, партия проводила курс на повышение роли Советов и осуществляла свою политику через своих членов, избранных в Советы.

Однако, в дальнейшем, по мере укрепления в стране режима личной власти Сталина, верх брали командно-административные методы управления, происходило втягивание партии в механизм государственной власти. Партийные органы все чаще брали на себя решение вопросов, прямо входящих в компетенцию государственных инстанций. Роль Со-

ветов значительно принизилась и они попали в подчинение к аппарату управления, с бюрократическими извращениями, во многом вышедшему из подчинения политическому руководству и как бы осуществляющему вторую власть. «Двоевластие» — не в классовом, а в организационном смысле — стало и поныне остается одним из главных элементов «механизма торможения».

Важнейшая мера, направленная на слом «механизма торможения», состоит в том, чтобы Советы из формы «демократии поддержки» превратились в форму «демократии участия». Их участие в осуществлении политической власти и государственного управления в соответствии с их природой должно быть самостоятельным, требовательным и решающим. В этом плане большое значение имеют решения XIX Всесоюзной конференции, которая выдвинула комплекс конкретных мер по перестройке Советов, возрождения их полновластия, определила необходимые для этого пути политического, организационного и материального порядка. Совершен важнейший для каждой реформы переход от словесного признания необходимости перемен к точному указанию, как их следует осуществить на практике. На первый план выходит возвращение реального права местных органов власти в ленинском определении их роли, реальной гласности, реальной экономики. В настоящее время в Приморском крае идет поиск путей реорганизации Советов, в краевой газете «Красное знамя» введена новая рубрика «Каким я вижу Совет», где отражаются предложения населения, депутатов, партийных и советских работников по вопросам структуры Советов, круга их полномочий, опыт практической деятельности.

Истекший после очередных выборов в местные органы власти период показал, что большинство исполкомов местных Советов края повысили свою роль в комплексном решении экономических и социальных проблем. Это относится прежде всего к Советам Красноармейского и Октябрьского районов, где председателями Советов работают смелые организаторы и активисты В. А. Третьяков, В. В. Третьяков, Л. А. Федулова, В. М. Афанасьева и др.

Повысили свою активность постоянные комиссии, которых насчитывается в крае 1853, и объединяют они более

[1] Красное знамя, 1988. 12 июля.

12 тыс. депутатов.[1] Они укрепили свои связи с народными контролерами, административными органами, профсоюзными, комсомольскими и другими общественными организациями. В Партизанском районе накоплен неплохой опыт организации взаимодействия местного Совета с ведомствами в делах концентрации и расходования средств на охрану окружающей среды.

Анализ деятельности исполкомов края показал, что не везде Советы действуют решительно, не всегда своевременно решают социально-экономические проблемы. Одна из главных причин такого положения — неумелое использование Советами расширившихся полномочий, недостаток гласности в работе, выжидательная позиция, которую заняли ряд Советов края, их депутаты, постоянные комиссии.

Суть реформы — в возрождении полновластия Советов, переводе на режим постоянного функционирования как фактически «работающих корпораций», как действительно основных звеньев советской государственности на всех ее уровнях. Советам края предстоит большая работа, поскольку вся полнота власти на соответствующей территории принадлежит им. И ясно, что пришло время действовать конкретными делами поднимать престиж народной власти.

Лынша О. Б.

Уссурийский гос. пединститут

ПЕРВОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ г. НИКОЛЬСКА-УССУРИЙСКОГО

Первая городская газета «Никольск-Уссурийский листок объявлений» появилась в 1900 году. Издателем и редактором газеты был Ф. В. Мисюра. Первоначальное содержание «Листка» соответствало названию: в газете печатались самые разнообразные объявления, хроника местной жизни, биржевые известия, списки приезжающих и отъезжающих. Выходила газета два раза: по воскресеньям и средам. Спустя два года, листок объявлений был преобразован в «общественный литературный орган». Содержание издания было расширено телеграммами, статьями, судебной хроникой, фельетонами.

С этого момента начинаются трения между издателем

газеты Мисюрой и никольск-уссурийским полицмейстером, осуществляющим функции цензора. Самые безобидные материалы вроде заметки «Петиция» (1902, № 20) о недовольстве студентов Восточного института во Владивостоке плохим качеством пищи в студенческой столовой, вызывают протест цензора, но газетные материалы становились все более острыми.

В 1903 году была напечатана статья «Что такое Китайская Восточная железная дорога?» (№ 41), автор которой, отвечая на этот вопрос, в резких выражениях описывает происходившие во время постройки дороги хищения, чуть не форменный грабеж со стороны строителей. Публикация вызвала гнев уже в Петербурге. Начальник Главного управления по делам печати сенатор Зверев указывает военному губернатору Приморской области «на непозволительность такого рода статей». Видимо, эта статья заставила обратить более пристальное внимание на газету. Спустя несколько месяцев, в том же 1903 г., Зверев вновь обращается к военному губернатору с требованием не допускать тенденциозного подбора внутренних известий». В чем, собственно, состоял этот тенденциозный подбор? В газете был отдел внутренних известий «По России». По мере нарастания революционной ситуации в стране, в нем все чаще появлялись заметки о забастовках, стачках, крестьянских волнениях. Особенно возмущало цензора то, что во всех этих заметках «сквозит как бы сочувствие бастующим». Более того, «газета находит возможным говорить об умственной приниженности высших сфер и противопоставляет им рабочий класс, среди которого замечаются будто бы какие-то признаки самосознания».

В декабре 1903 г. Ф. В. Мисюра обратился с ходатайством и разрешении ежедневного издания газеты. Однако получил отказ, мотивированный тем, что в «Листке» нередко допускались нарушения элементарных требований цензурного устава».

Во время русско-японской войны среди многих публикаций, посвященных этому событию, особое внимание и читателей, и цензоров привлекло стихотворение «Над трупом солдата» (1904 г., № 74), подписанное псевдонимом Гейне из Глуховки. В стихотворении говорится о бессмысленной гибели русских солдат на полях Манчьжурии и заканчивается словами, что достойнее было бы умереть «за лучшую жизнь, за свободу, за народное счастье и волю». После публикации этого стихотворения Мисюре в который раз было указано на неуместность появления подобных материалов.

Наконец, с 15 августа 1905 г. газета была приостановлена генерал-губернатором Приморской области на три месяца. В перерыве с 17 августа по 21 августа выходили нумерованные выпуски под заглавием «Никольск-Уссурийский листок», где печатались телеграммы.

После возобновления газеты в декабрьском номере за 1905 г. была напечатана статья «Армия и присяга». В ней говорилось о брожении в рядах русской армии, повсеместном присоединении войск к освободительному движению, наиболее четко проявившемся в Чите. Здесь на митинге 25 ноября 1905 г. была принята резолюция, признающая «существующее самодержавное правительство действующим во вред народа и лишенным доверия страны». Власти усмотрели «явно преступное направление газеты, выразившееся в напечатании статьи «Армия и присяга», призывающей к противодействию распоряжениям законного правительства, к переходу армии на сторону революции и свержению правительства». В результате газета была закрыта и больше не возобновлялась.

В дальнейшем Ф. В. Мисюра переехал во Владивосток, где в 1910—1915 гг. издавал газеты «Текущий день» и «Вечерняя газета».

Муратов А.
п. Рощино

ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО КЛУБА РОЩИНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Историко-краеведческий клуб в Рощинской средней школе существует три года, членами клуба являются ученики 6—10 классов.

Задачей клуба является изучение истории археологии края, района, привитие школьникам интереса к истории. Во главе клуба — президент, избираемый общим собранием членов клуба, все вопросы решаются на собраниях путем голосования.

Члены клуба разбиты на три группы, работающие по следующим направлениям: археология, краеведение, музейная работа.

Помимо теоретической подготовки много времени уделяется практической работе. Ребята собирают подъемный археологический материал с разрушенных стоянок близ п. Рощино, обрабатывают его в камералке клуба.

Члены группы, работающей по теме «Краеведение и музейная работа», посетили заброшенные села Ивановичи, Островное, Снежное и др. с целью сбора материала для школьного музея, встречаются со старожилами района, коренными жителями — удэгейцами, записывают их рассказы, переписываются с архивами страны.

Летом члены клуба выходят в краеведческие экспедиции, в ходе которых ведется сбор краеведческого материала, поиски неизвестных археологических памятников. Для успешного проведения экспедиции в течение учебного года ребята изучают туристическую технику.

Клуб поддерживает контакты с историко-археологическими клубами Федосьевской ВШ и Лесозаводской СШ № 1. Мы обмениваемся с ними информацией, встречаемся на конференциях, проводим совместные экспедиции. Заключен договор между нашим клубом и клубом истфака УГПИ.

В 1988 г. члены нашего клуба в составе команды Приморского края принимали участие в работе Всероссийского лагеря юных археологов и в III слете юных археологов Приморского края, где заняли первое место.

Мухачев Б. И.

Институт истории ДВО АН СССР

А. М. КРАСНОЩЕКОВ — ОДИН ИЗ РУКОВОДИТЕЛЕЙ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

К славно когорте бойцов ленинской гвардии на Дальнем Востоке относится имя Александра Михайловича Краснощекова. Из партийных и советских руководителей региона периода гражданской войны он удостоился со стороны В. И. Ленина самой высокой оценки. Ленин характеризовал его как «человека, несомненно, умного, энергичного, знающего, опытного».[1]

«Процесс Краснощекова» в 1924 г., расстрел его как

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 219.

«троцкиста» в 1937 г. на долгие годы бросили тень предвзятости и клеветы на его имя. Нашло это отражение и в исторической литературе.

До 50-х годов большинство авторов при освещении революционных событий на Дальнем Востоке о Краснощекове или старались не упоминать, или давали ему негативную оценку. А. И. Краснощекова — фактического руководителя Дальбюро ЦК РКП(б) называли «анархистом». Компромисс руководимого им III Дальневосточного краевого съезда Советов с земскими самоуправлениями трактовался как ошибка «правооппортунистического характера». Александр Михайлович обвинялся в непонимании задач буферного государства — Дальневосточной республики (ДВР). Утверждалось, будто он видел в его создании «самоцель», собирался строить его «всерьез и надолго» и непременно «в интересах американо-японских захватчиков», что пытался расширить границы «буфера» до Красноярска, что неправильно понимал концессионную политику. И во многих других «грехах» обвинялся.

Исторические документы не подтверждают эти вымыслы и домыслы. Единственно правильной остается ленинская оценка деятельности Краснощекова: «Показал себя умным председателем Правительства в ДВР, где едва ли не он же все и организовывал».[1]

Академик А. И. Крушанов на 1-й сессии Дальневосточных исторических чтений в 1971 г. отмечал: «Александр Михайлович Краснощеков внес значительный вклад в осуществление директив нашей партии на Дальнем Востоке по созданию ДВР». Его поддержал председатель секции ветеранов революционного движения в Приморье А. С. Аллилуев: «Пишут, что Краснощеков — троцкист, Краснощеков — такой-сякой. Разве можно так говорить о товарище, который очень много сделал, и, если он, будучи директором Промбанка, совершил какое-то преступление, это не значит, что нужно смазывать всю его революционную деятельность, умалять его заслуги».[2]

В исторической литературе 60—80-х гг. ошибочные оценки деятельности Краснощекова в известной мере преодолены, в основном, в трудах Б. М. Шерешевского, А. М. Щагина, Т. Залуцкого и др. Однако, до сих пор встречаются по-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 219.

[2] Из магнитофонной записи 1-й сессии ДВ ист. чтений.

пытки поставить под сомнение его имя как большевика-ленинца. С этим необходимо покончить.

А. М. Краснощеков (1880—1937 гг.) в революционное, социал-демократическое движение вступил на Украине в 1896 г. (Киев, Полтава, Екатеринослав и др.). Показал себя активным пропагандистом ленинских идей (староискровец), являлся организатором митингов и демонстраций рабочих против царского самодержавия. Был членом Екатеринославского комитета РСДРП. Дважды арестовывался. В 1902 г. был вынужден эмигрировать за границу (в Берлин, затем — в США). В Америке активно участвовал в революционном рабочем движении, являлся членом социалистической партии США (левого крыла). Окончил экономическое и юридическое отделения Чикагского университета.

После Февральской революции в июле 1917 г. прибыл во Владивосток, вступил в большевистскую партию, был членом Владивостокского Совета, участником II Дальневосточной краевой конференции РСДРП(б). Направлен в Никольск-Уссурийск для укрепления местной парторганизации, стал председателем городского парткома, Совета рабочих и солдатских депутатов. Под его руководством 21 ноября 1917 г. (до февраля 1918 г.—даты по ст. стилю) в Никольск-Уссурийске была провозглашена Советская власть.

В декабре 1917 г. Краснощеков явился инициатором разгона контрреволюционного съезда земств и городов, был председателем III краевого съезда Советов, провозгласившего Советскую власть на Дальнем Востоке, избран председателем краевого комитета Советов (Дальсовнаркома). Под руководством Краснощекова организовывалось в крае советское строительство, проводились первые мероприятия по социалистическим преобразованиям в экономике и культуре, формированию Красной гвардии и Красной Армии, организации отпора контрреволюции.

В период колчаковщины был арестован, содержался в Иркутской тюрьме, освобожден восставшими в конце декабря 1919 г., избран председателем Иркутского губкома РКП(б).

Большой заслугой Краснощекова являлось последовательное, в основном правильное осуществление ленинской буферной политики, целью которой было предотвращение войны с Японией в невыгодных для нас условиях. Под руководством уполномоченного Сиббюро ЦК Краснощекова была образована Дальневосточная республика, к концу

1920 г. объединившая под своей властью все области Дальнего Востока.

В Дальбюро ЦК РКП(б) Краснощекову приходилось преодолевать противодействие других его членов, не понимавших необходимости «буфера». Антибуферщики из его состава были отозваны. В. И. Ленин высоко оценивал работу Краснощекова и поддерживал его.

Как председателю Правительства и министру иностранных дел Краснощекову приходилось осуществлять дипломатические мероприятия, организовывать вооруженные силы (НРА), разрабатывать правовую основу ДВР (принятие Конституции) и другие мероприятия. После укрепления ДВР Краснощеков в июле 1921 г. был отозван в Москву.

Никитенко Н. Ф., Никитенко Л. В.
Благовещенский гос. пединститут им. М. И. Калинина
Дальневосточный институт минерального сырья

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ АНОСОВ — ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ЗОЛОТА НА АМУРЕ

Землепроходцы, первооткрыватели... Современной молодежи необходимо знать образы ее предшественников, жизнь и деятельность которых во многом предопределила будущее родного края, пути его развития и оказалась вследствие этого сопричастной с жизнью и делами нынешнего поколения.

Одним из таких людей, чей неустанный и благородный труд несет в себе заряд огромной воспитательной силы, является первооткрыватель золота на Амуре Николай Павлович Аносов.

А. П. Аносов родился в 1835 году в городе Златоусте на Урале, в семье известного русского металлурга Павла Петровича Аносова, разгадавшего утерянный в средние века секрет изготовления булатной стали. Еще студентом горного института он стал знаком генерал-губернатору Восточной Сибири Н. Н. Муравьеву (впоследствии графу Муравьеву-Амурскому). Этот государственный деятель заметил способности молодого инженера и предложил ему службу в

Панков Ю. В.

Зав. каб. истории Приморского краевого ИУУ, г. Владивосток

ИЗ ОПЫТА ОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ УЧЕБЫ УЧИТЕЛЕЙ ПРИМОРЬЯ В 1984—1988 ГОДАХ

1. Реформа общеобразовательной школы и последующая перестройка всей системы народного образования в СССР предъявляют повышенные требования к личности учителя, к его идейно-теоретической подготовке. Политическое образование педагогов следует рассматривать как одну из гарантий эффективности их практического участия в реализации концепций перестройки всех сторон жизни советского общества, ускорения социально-экономического развития страны. XXVII съезд КПСС, январский и июньский (1987 г.), февральский (1988 г.) Пленумы ЦК КПСС, Всесоюзная XIX партийная конференция придают большое значение политико-воспитательной функции школы.

2. Политическое руководство системой идейно-теоретической подготовки учительской интеллигенции в Приморье осуществляют территориальные комитеты КПСС. Организационно-методическая помощь пропагандистам оказывается Домом политического просвещения Приморского крайкома КПСС, кабинетами политпросвещения районных и городских комитетов партии посредством научно-методических конференций и семинаров, индивидуальных и групповых консультаций, разработки рекомендаций и материалов к занятиям.

Партийные организации общеобразовательных школ, — уже в 1984 г. коммунистом был каждый пятый учитель Приморья, — стараются направлять на пропагандистскую работу своих лучших представителей. В педагогических коллективах было создано 646 школ научного коммунизма, в которых занимались 15014 слушателей. Все пропагандисты имели высшее образование, 477 из них являлись членами КПСС, 177 аттестованы на звания «Пропагандист высшей квалификации», «Старший пропагандист».

3. В период реализации реформы школы накоплен опыт организации идейно-теоретической подготовки учителей и органами народного образования, которые осуществляли руководство системой политической учебы через территориальные научно-методические советы и администрацию школ. К началу перестройки системы политучебы (Постановление ЦК КПСС от 15 сентября 1987 г.) изменился качественный состав слушателей. Уже 24.8 проц. учителей начальной школы имели высшее образование, а среди учителей 4—10-х классов только 124 человека еще не имели диплома об окончании высшего учебного заведения. В рядах более чем пятнадцатитысячного отряда учительской интеллигенции были один Народный учитель СССР, 475 Заслуженных учителей школы РСФСР, 714 учителей-методистов и старших учителей. 3551 учитель объявили свои уроки открытыми. Во многом подтвердила эффективность политучебы и аттестация учителей.

4. В 1988 г. прошла традиционная научно-методическая конференция учителей-пропагандистов в Доме политического просвещения Приморского КК КПСС. Изданы тезисы, посвященные опыту применения активных форм и методов обучения. Учителя Владивостока, Арсеньева, Находки, Партизанска, Уссурийска, Надеждинского, Кировского, Пожарского районов поделились опытом формирования культуры умственного труда, атеистического воспитания молодежи, самообразования, использования семинаров, дискуссий, деловых игр и других активных форм занятий со слушателями.

Опыт работы учителей-пропагандистов изучался в 1984-88 гг. кабинетом истории Приморского краевого ИУУ. Среди пропагандистов-учителей в 1988 г. двое — Л. С. Гортлик (сш № 12, г. Спасск-Дальний) и Л. А. Анистратенко (сш № 57, г. Владивосток) — удостоены звания Заслуженных учителей школы РСФСР.

Отзывы слушателей о работе лучших учителей-пропагандистов позволяют сделать вывод о необходимости широкого распространения передового опыта идейно-теоретической подготовки педагогов в Приморском крае. В нем кроются значительные резервы практического осуществления перестройки всей системы народного образования края.

Прокошева С. Н.

Уссурийский гос. пединститут

К ВОПРОСУ О КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Известно, что в период проведения сплошной коллективизации по отношению к крестьянству применялись методы диктата.

Это имело место и в Приморье.

Ленинский кооперативный план предусматривал развитие различных форм кооперации среди крестьянства. Первой ступенью вовлечения крестьян в кооперирование были такие формы, как кредитная, потребительская, снабженческая. Также получили развитие простейшие кооперативные объединения — машинные товарищества, мельничные, пчеловодческие.

В 1928—1929 годах создание высших типов сельскохозяйственных объединений еще не получило массового распространения среди приморского крестьянства, что можно объяснить неземлеустроенностью и слабо материальной базой колхозов. Так, в 1929 г. во Владивостокском округе было объединено в сельскохозяйственные артели и колхозы лишь 11 процентов крестьянских хозяйств.

С 1930 г. политика Советской власти круто поворачивает к методам нажима. Форсирование темпов коллективизации было закреплено постановлением Далькрайкома от 11 января 1930 г. Далькрайкомом были выделены районы, подлежащие сплошной коллективизации, назначены сроки и выделен минимальный процент хозяйств, подлежащих коллективизации. Тем самым были нарушены ленинские принципы постепенности и добровольности. Озлобленные крестьяне сопротивлялись давлению властей. Это происходило в различных формах — срыв хлебозаготовки (в 1930 г., в Ивановском районе, Суйфунском, Гродековском), убой скота, агитация против колхозов, создание лжеколхозов, убийство сельских активистов.

Убой скота получил столь широкое распространение, что в 1930 г. был принят закон, карающий данное действие лишением права землепользования, конфискацией скота и лишением свободы до 2-х лет. Командная машина была запущена на полный ход. Те, кто был не согласен с проводимыми методами и оказывал им противодействие, подлежали выселению в отдаленные районы. Проведение раскулачивания являлось неразрывной частью сплошной коллективизации. В феврале 1930 г. Далькрайкомом было определено точное число ликвидируемых хозяйств, которое составляло около 4 процентов по каждому району. Часто в это число попадали и не только кулацкие хозяйства. Лишь из Владивостокского округа было выселено 2114 крестьянских семей. В 1932 г. сплошная коллективизация в основном была завершена.

Насаждение колхозного строя методами нажима и диктата не привело к повышению благосостояния крестьянства. Созданные колхозы не явились надежной основой экономического строя Советской власти.

Проскурина Л. И.

Институт истории ДВО АН СССР

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИМОРСКОЙ ДЕРЕВНИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (1928—1937 гг.)

К концу 20-х годов мелкотоварное крестьянское хозяйство Приморья, как и всей страны, отчетливо показало свои ограниченные возможности и противоречия. Темпы прироста продукции в сельском хозяйстве края были в 4 раза меньше, чем в промышленности. Низка была урожайность сельскохозяйственных культур. Уровень развития сельского хозяйства был не в состоянии обеспечить потребности народного хозяйства края, особенно начавшейся индустриализации.

Приморская деревня отличалась большим своеобразием, здесь было более зажиточное крестьянство, чем в центральных районах страны. Велика была доля кулацких хозяйств (в 1928 г. — 8 процентов).

Преодолеть отставание и кризисные явления в сельском хозяйстве Приморья можно было только на основе его социалистической реконструкции, путем кооперирования крестьянских хозяйств.

Летом 1929 г. в стране провозглашается лозунг «сплош-

ной коллективизации» крестьянских хозяйств. Сталинское руководство пошло на прямой отказ от ленинских принципов политики по отношению к крестьянству. Более того, оно пошло на слом нэпа и широкое применение чрезвычайных мер, т. е. насилия над крестьянством.

С января 1930 г. началось форсирование темпов коллективизации Приморья. К концу марта было коллективизировано 40 процентов крестьянских хозяйств. В этот период были обнаружены серьезные ошибки и перегибы в колхозном строительстве. Главная из них состояла в том, что нарушался ленинский принцип добровольности при вовлечении крестьян в колхозы, применялись меры принуждения и насилия в отношении середняков и даже бедняков. Это не могло не вызвать недовольство крестьян, с апреля начался массовый выход из колхозов и процент коллективизации к июлю сократился до 23,7 проц.

Массовая коллективизация крестьянских хозяйств в крае проходила в острой классовой борьбе. Кулаки оказывали яростное сопротивление возникшему в деревне колхозному строю. Методы сопротивления кулаков были самые разнообразные, начиная от агитации и кончая убийствами активистов, избиениями и поджогом их имущества. На основе массовой коллективизации партия перешла от политики ограничения кулачества к политике ликвидации его как класса. Крестьянская беднота поддержала борьбу против кулачества. Из Владивостокского округа было выслано 2114 кулацких семей, или 2,5 проц. В практике борьбы с кулачеством не обошлось без перегибов. В некоторых районах проявилась излишняя торопливость, раскулачивание велось административным путем. Иногда в число раскулаченных попадали середняки и даже бедняки.

В связи со спецификой развития приморской деревни здесь требовались, с одной стороны, особая осторожность и политическая гибкость, а с другой — решительность в проведении революционных социально-экономических преобразований.

К концу I-й пятилетки в Приморье было коллективизировано 56 процентов крестьянских хозяйств, создано 23 МТС. Социалистический сектор деревни — колхозы и совхозы — имел 80 процентов посевных площадей.

В 1930—1932 гг. главные усилия были направлены на социалистическую переделку деревни, а в организационно-хозяйственном укреплении колхозов были сделаны лишь

первые шаги. Положение усугублялось распространением методов принудительных заготовок на колхозы. Все это привело к спаду сельскохозяйственного производства в Приморье. Произошло снижение урожайности сельскохозяйственных культур, существенные потери были в животноводстве.

Завершение коллективизации сельского хозяйства в Приморье пришлось на годы второй пятилетки. Преодоление кризисной ситуации в деревне потребовало огромных усилий и времени.

К 1934 г. приморские колхозы добились первых успехов. К этому времени сказались и результаты технического перевооружения сельского хозяйства. Все это способствовало дальнейшему росту коллективизации. В ноябре 1934 г. было объединено 73 процента крестьянских хозяйств. Таким образом, сплошная коллективизация в Приморье была завершена.

Процесс кооперирования продолжался и в последующие годы. К концу второй пятилетки в крае насчитывалось 498 сельхозартелей, 26 совхозов и 39 МТС, имеющих 2 тыс. тракторов и 800 комбайнов. Было коллективизировано 93 процента крестьянских хозяйств.

В Приморье, как и по всей стране, был осуществлен переход к социалистическому укладу в деревне, который В. И. Ленин считал самым трудным, самым важным делом социалистической революции. Коллективизация сельского хозяйства коренным образом изменила экономику, социальный строй, общественно-политическую и культурную жизнь дальневосточного крестьянства.

Однако в результате отхода от ленинских принципов кооперирования крестьянских хозяйств страна в 30-е годы понесла существенные потери и в политическом, и в экономическом, и в моральном, и социальном плане. Именно в 30-е годы проявилась недооценка знания ленинского учения о социалистической кооперации, произошел разрыв теории и практики. Такого рода просчеты имели не только непосредственные, но и отдаленные негативные последствия, о чем говорилось на XXVII съезде КПСС.

Романовский В. К.

Уссурийский гос. пединститут

РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В УССУРИЙСКЕ: 1970—1985 гг.

В 70-е—первой половине 80-х годов совершенствовалась сфера образования города. Проводилась работа по расширению школьных и дошкольных учреждений, во многих из них был проведен капитальный ремонт. В 1985 году в Уссурийске действовало 26 общеобразовательных школы и 65 детсадов и яслей.

Все городские школы перешли на более прогрессивную кабинетную систему обучения, что способствовало повышению качества знаний среди учащихся. Для улучшения трудового воспитания и формирования интереса к профессиям был создан учебно-производственный комбинат. В школах расширилась сеть кружков и факультативов. В начале 80-х годов внешкольными учреждениями, клубами по месту жительства было охвачено 80 процентов учащихся школ.

Более чем на 100 человек возросла численность педагогических кадров. В 1986 году в школах города работало 938 учителей. На базе средних школ №№ 25 и 29 стало традиционным проведение семинаров для учителей и директоров школ по обмену опытом педагогического мастерства.

Рост экономики и социальной сферы города требовали расширения сети и увеличения учащихся профессионально-технических училищ. За годы 9 и 10 пятилеток число профтехучилищ возросло с 5 до 9, а численность учащихся с 3 тыс. до 4,5 тыс. Уссурийские профтехучилища готовят квалифицированные кадры для сельского хозяйства, промышленности, транспорта, сферы обслуживания, других отраслей народного хозяйства.

Важную роль в обеспечении специалистами предприятий и учреждений города и края внесли средние специальные учебные заведения. Старейшим в Уссурийске является совхоз-техникум, подготовивший за годы своего существования (1922 г.) свыше 9 тыс. специалистов: агрономов, товароведов, бухгалтеров, механиков, гидромелиораторов. В середине 80-х годов численность учащихся техникума составляла более 2 тыс. человек. Свыше 1.5 тыс. учащихся обучалось

в Уссурийском техникуме железнодорожного транспорта, открытом в 1955 году. Важную задачу по обеспечению специалистами крупных мелиоративных работ в крае решал Уссурийский гидромелиоративный техникум. В медицинских и клубных учреждениях города и края работают специалисты со средним специальным образованием, окончившие Уссурийское медучилище и Приморское культурно-просветительное училище. В целом численность учащихся средних специальных учебных заведений города увеличилась за полтора десятилетия с 3,5 тыс. до 4,5 тыс. человек.

Подготовку специалистов с высшим образованием осуществляли два вуза города — Приморский сельскохозяйственный институт и Уссурийский пединститут.

На восьми факультетах сельхозинститута в середине 80-х годов обучалось свыше 5700 студентов, в том числе 3100 — на дневном. За полтора десятилетия окрепла его учебно-производственная база. Многочисленные лаборатории и учебные кабинеты оснащены достаточным количеством технических средств, тракторов, автомобилей, разнообразной сельскохозяйственной техникой. При институте работает вычислительный центр, имеется собственное учебно-опытное хозяйство с земельной площадью около 8 тыс. га и учебно-опытный лесхоз, где студенты закрепляют теоретические знания, полученные в аудиториях. Преподавательский коллектив в 1985-86 учебном году составлял 370 чел., из которых 124 — доктора и кандидаты наук. В 1963 году при вузе была открыта аспирантура. Научные исследования ведутся по важнейшим проблемам сельскохозяйственных наук и носят комплексный характер.

Уссурийский государственный педагогический институт по праву считается кузницей учительских кадров в Приморье. На 6 факультетах — физико-математическом, филологическом, биолого-химическом, историческом, иностранных языков, начального и дошкольного обучения — в 1985-86 учебном году училось около 4 тыс. студентов, в том числе— 1440 — заочно. В институте сложился творческий научно-педагогический коллектив. На 20 кафедрах работало более 230 преподавателей, в том числе 69 кандидатов наук, 36 человек удостоены звания «Отличник народного просвещения», 24 награждены орденами и медалями СССР.

Связь института со школой занимает одно из важнейших мест в системе обучения студентов — будущих педагогов. Научно-педагогическую работу в этом направлении ведут

преподаватели всех кафедр вместе со студентами. Для учащихся 5—9 классов были организованы и успешно работают школы юных педагогов, химиков, лингвистов, биологов и др. При физико-математическом факультете в начале 80-х годов была создана двухгодичная математическая школа. На историческом факультете стали традиционными исторические олимпиады для школьников. Преподаватели и студенты института оказывали большую помощь учителям города и края в их учебной и внеклассной работе.

Рябинин Е. Н., Шаталов О. В.

Уссурийский гос. пединститут

ПЕРВЫЕ РУССКО-КИТАЙСКИЕ ДОГОВОРЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ИЗУЧЕННОСТИ ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНЦЕ XVII—НАЧАЛЕ XVIII вв.

Исторические и политические аспекты заключения первых русско-китайских договоров — Нерчинского и Кяхтинского — достаточно подробно освещены в отечественной и зарубежной литературе (труды Н. Н. Бантыш-Каменского, Е. Л. Беспрозванных, Д. Даджена, М. Мэнкола и мн. др.). Наряду с этим до настоящего времени в исследовательской литературе нераскрытым остается вопрос о степени влияния научно-географического изучения юга Дальнего Востока на подписание данных актов.

Актуальность историко-географического анализа подтверждается особенностями освоения Дальнего Востока в конце XVII—начале XVIII вв., тесным переплетением экономических, политических и научных интересов России на территориях нового освоения. Однако, эта взаимосвязь не всегда отчетливо осознавалась современниками, видевшими в своей деятельности исключительный приоритет практических целей.

Так, на первом этапе освоения юга Дальнего Востока русскими (экспедиции В. Пояркова, Е. Хабарова, О. Степанова) в 40—50-х годах XVII в. эти цели сводились к максимально возможно большему расширению сферы влияния России. Сведения, получаемые первыми землепроходцами, носили преимущественно ресурсно-описательный характер,

а основной задачей являлось пополнение государственной казны.

Явная поверхностность такого рода информации и ее недостаток, особенно в условиях военно-политического противостояния цинского Китая, к чему с неизбежностью приводило продвижение русских на Восток, проявились достаточно ярко в поражении под Албазином и утрате Россией части ранее освоенных территорий по Нерчинскому договору 1689 г.

Причиной поражения русских под Албазином, как правило, считают численное превосходство и лучшую оснащенность китайского войска. Однако, нельзя сбрасывать со счетов и отсутствие у русских достаточных оперативно-тактических сведений о театре военных действий. В то же время китайское правительство императора Канси активно привлекало к картографированию пограничных с Россией территорий представителей европейской научной мысли (иезуиты Ф. Вербье, Ф. Жербийон, Т. Перейра), организовывало свои экспедиции для уточнения географии Приамурья (посольство с особыми эмиссарскими целями Лантаня и Пэнчуна), постоянно поддерживало прокитайские настроения местного населения на новых русских территориях, среди которого было немало людей, знающих особенности природных условий данной местности.

В посленерчинский период, который связан с реформаторской деятельностью Петра I, Дальний Восток становится ареной научных изысканий, вызванных поисками новых торговых путей в страны Востока, сопровождавшихся обобщением и уточнением имеющегося картографического материала (например, «Карта Северной Азии» П. Миллера, 1726 г.), а также картографированием новых территорий. Однако, и эти материалы не отличались достаточной детальностью и точностью, чтобы к моменту подписания в 1727 г. Кяхтинского договора определить точные географические ориентиры для обозначения границы между Россией и Китаем.

Фактически и юридически оставалось неразграниченным все левобережье Амура, что объяснялось неопределенностью положения орографических и гидрографических объектов на пространстве от Амура до Уды. Это объективно отвечало, в первую очередь, интересам России, так как к началу второй четверти XVIII в. русское правительство осознало значение Амура в качестве наиболее удобной дороги из Сибири в Тихий океан. Именно это обстоятельство наряду с невоз-

можностью для Российской империи в 30—40 гг. XVIII в. поддерживать военное противостояние цинскому Китаю, обусловило активизацию научных (И. Гмелин, Г. Миллер) и промысловых (Е. Басов, М. Неводчиков и А. Чебаевский) экспедиций в прибрежные районы юга Дальнего Востока. При этом необходимо отметить особо, что по сравнению с предшествующим этапом освоения новых земель акцент смещается на научные методы поисков, как важного и необходимого условия успешного закрепления России на Дальнем Востоке.

Сиренко Т. Ю.

Дворец пионеров, г. Владивосток

ПИОНЕРСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРИМОРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1923—1924 гг.

В решении важной задачи совершенствования воспитательного процесса необходимо опираться на положительный опыт прошлых поколений.

Ключ к совершенствованию и целесообразному отбору уже апробированных форм коммунистического воспитания детей даст изучение истории пионерского движения.

Первые пионерские отряды были организованы комсомольцами во Владивостоке при типографии газеты «Красное знамя», на Дальзаводе, при клубе им. В. Воровского в феврале 1923 г. За Владивостоком к созданию пионерских отрядов приступили комсомольцы Спасска, Никольск-Уссурийска, Сучана (Партизанска), Посьета, Имана (Дальнереченска).

К 1 января 1924 года, т. е. менее чем через год в губернии насчитывалось 39 отрядов, объединявших 1500 ребят. Рост численности пионерских отрядов вызвал необходимость создания руководящего органа. Им стало губернское бюро (первоначально — губернская квартира), созданное в апреле 1923 года по решению Приморского губернского комитета РКСМ.

Секретарем губбюро стал один из первых вожатых Владивостока Евреинов. Губернскому бюро подчинялись созданные при уездных комитетах РКСМ уездные бюро юных

пионеров, а во Владивостоке были созданы в каждом районе города районные бюро.

Огромное внимание работе пионерской организации Приморья уделял губернский комитет партии, при котором был создан и функционировал комитет содействия пионерорганизации. Большое значение для развития пионерского движения в Приморской губернии имело Письмо губернского комитета РКП(б) ко всем партийным организациям «Об очередных задачах организации юных пионеров».

Процесс оформления и становления Всесоюзной пионерской организации в основном завершился в 1924 году. И одним из боевых отрядов советской пионерии стала выросшая до 10 тыс. пионеров организация Приморья. За первые два года своего существования ею были достигнуты определенные успехи: в губернии был осуществлен лозунг IV съезда комсомола «На каждого комсомольца — пионер», организационно оформились пионерские отряды, их число на 1 января 1925 года составило 263, причем в городских отрядах было 5100 пионеров, в деревенских — 3000. За небольшой срок сложилась система руководства отрядами пионеров, был налажен выпуск методической литературы для отрядов, у пионеров появился свой печатный орган — газета «Дети Октября».

За 1923—1924 гг. сложилась традиция проведения летних выездных лагерей, постоянными стали губернские, уездные городские курсы пионерработников и конференции пионеров.

Таким образом складывалась система работы организации.

И тем не менее в работе наблюдались недостатки. Это и понятно: опыта работы с детьми не было. Сами комсомольцы-организаторы пионерского движения самокритично подходили к оценке своей работы и отмечали такие недостатки, как неудовлетворительный состав вожатых, малочисленность и слабость их подготовки, уклоны некоторых работников в сторону скаутизма, слабость материальной базы, слабая связь с центром, слабое взаимодействие со школами и детдомами, а в ряде случаев слабость руководства со стороны комсомольских и партийных ячеек.

Все перечисленные недостатки не были чисто региональными, свойственными только Приморью. Будучи составным звеном Всесоюзной организации, пионерское движение в

крае испытывало те же трудности, что и вся организация страны.

Но тем не менее, почти десятитысячная пионерская организация Приморской губернии жила и действовала, принимала участие в решении задач, стоявших перед всем советским народом.

Слабнина Л. А.

Институт истории ДВО АН СССР

МАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГОСОСТОЯНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА ПРИМОРСКОГО КРАЯ, 1946—1961 гг.

Рабочий класс СССР — историческая категория, и развивается по определенным закономерностям, одной из важнейших из них является подъем его материального благосостояния.

Задачи дальнейшего комплексного освоения Дальнего Востока, а следовательно, создания благоприятных материальных условий для закрепления кадров, в частности, в Приморском крае, должны учитывать жизненный уровень населения, достигнутый в предшествующие годы.

Рост материального благосостояния — это повышение реальной заработной платы, увеличение поступления из общественных фондов потребления, количественно-качественные изменения в питании рабочих, обеспечение промышленными товарами, улучшение условий труда и быта.

Разработка отложившихся в архивах материалов, особую ценность среди которых представляют бюджетные обследования семей рабочих основных отраслей промышленности Приморского края, позволяют охарактеризовать основные динамические изменения в материальном благосостоянии рабочих-дальневосточников.

В ходе выполнения четвертого пятилетнего плана в стране был восстановлен и превзойден довоенный уровень промышленного производства, что, в свою очередь, создавало реальные предпосылки для дальнейшего улучшения материально-бытового положения рабочих.

В декабре 1947 г. была отменена карточная система на все продовольственные и промышленные товары, в течение десяти лет государственные розничные цены в результате

их семикратного снижения уменьшились в 2,3 раза, в том числе на продукты питания — в 2,6 раза, промышленные изделия — в 1,9 раза.

Реальное содержание денежных средств, затрачиваемых на приобретение продовольственных и промышленных товаров возрастало более быстрыми темпами, чем их номинальная величина. Так, рост денежных доходов семей рабочих Приморского края увеличился с 1958 года по 1959 год на 10 процентов, а по сравнению с 1953 годом на 33 процента, затраты на культтовары в 1959 г. по сравнению с 1953 г. увеличились в 2 раза, на ткани, одежду, обувь — на 50 процентов.

Улучшению материального благосостояния рабочих способствовало ограничение подписки на заем, проведенное в июне 1957 г., в результате чего уже в июне 1957 года удельный вес затрат на приобретение облигаций в совокупном расходе по сравнению с 1952 годом уменьшился почти в 2 раза. В 1958 году выпуск госзаймов для размещения среди населения по подписке был прекращен.

Таким образом, в послевоенный период наблюдалось значительное улучшение материально-бытового положения рабочего класса Приморского края.

ТКАЧЕВА Г. А.

Институт истории ДВО АН СССР.

ТРУДОВЫЕ РЕЗЕРВЫ ПРИМОРЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941—1945 гг.)

В условиях Великой Отечественной войны полностью сохранила свое значение практика производственного обучения в два этапа: первоначальное обучение, когда рабочие получают минимум знаний и навыков, и дальнейшее повышение квалификации без отрыва от производства. В соответствии с потребностями народного хозяйства Приморья открывались новые училища и школы, расширялась их производственно-техническая база. Государство выделило трудовым резервам края 118,2 млн. руб. и к концу войны до 70 процентов училищ и школ имели собственные мастерские, кабинеты по различным специальностям.

Вместе с тем жилая площадь общежитий не обеспечивала

потребностей, классные комнаты соответствовали требованиям организации учебного процесса только на 64,8 процента, а в мастерских не хватало 38,6 процента рабочих мест, режущих и измерительных инструментов, станочного оборудования. Установленные нормы по обеспечиванию учащихся верхней одеждой, обувью, постельными принадлежностями и трикотажными изделиями не выполнялись.

На качество теоретического и производственного обучения влиял недостаток учебных пособий и канцелярских принадлежностей. Библиотеки располагали книжным фондом 71,5 тыс. экземпляров, в том числе 12.4 тыс. художественных и 35,1 тыс. научно-технических, которые, за небольшим исключением, устарели и были расчитаны на специалистов со средним и высшим образованием, 1,7 тыс. учебников (при потреблении 38,6 тыс.) не обеспечивали даже преподавателей и мастеров. Между тем, спрос на литературу, особенно по специальным дисциплинам, постоянно увеличивался. В 1945 г. библиотеки насчитывали 4.6 тыс. читателей, которым было выдано 47,7 тыс. книг, из них 43,1 тыс. художественных.

Большинство училищ и школ располагали руководителями высокой квалификации. Например, зам. директора по учебно-производственной части ЖУ-1 Шевцов В. С. имел высшее техническое образование, двадцатилетний стаж педагогической работы, начальник учебной части РУ-3 Кожевников В. А. — инженер-механик, стаж педагогической работы 10 лет. Однако, напряженные производственные планы, отсутствие необходимой квалифицированной силы на предприятиях, низкая заработная плата в системе государственных трудовых резервов затрудняли комплектование училищ и школ производственными мастерами и воспитателями. В отдельные периоды их не хватало до 50 процентов, примерно 40 процентов мастеров имели образование в объеме 5 классов, возраст до 20 лет и низкий уровень квалификации.

Несмотря на большие трудности, за годы Великой Отечественной войны было подготовлено и передано народному хозяйству 23,5 тыс. молодых рабочих, которые направлялись в решающие отрасли: авиационную — 1605 чел., судоремонтную — 5073 чел., угольную — 5800 чел., военно-морской флот — 1840 чел., железнодорожный транспорт — 3200 чел., госморпароходство — 1020 чел.

Социалистическое соревнование явилось мощным стимулом в повышении производственного и теоретического обучения. Постановлением Приморского краевого комитета ВКП(б) для победителей учреждались переходящие красные знамена: крайкома партии и крайисполкома; крайкома ВЛКСМ; краевого управления трудовых резервов. Училища и школы участвовали во Всесоюзном социалистическом соревновании и завоевывали призовые места. К лучшим относились РУ-7 угольщиков г. Артема, РУ-6 г. Лесозаводска, РУ-5 связи г. Владивостока, ЖУ-1 г. Владивостока, ФЗО-10 г. Сучана.

В процессе обучения учащиеся добыли более 300 тыс. т угля, отремонтировали 230 паровозов, 700 вагонов, 150 автомобилей, 12 км железнодорожных путей, построили 27 домов для рабочих, 30 различных складов, изготовили 50 тыс. штук слесарно-монтажного инструмента, оказали помощь колхозам и совхозам в ремонте сельскохозяйственного инвентаря, прополке и уборке урожая.

Трудовые резервы Приморья стали важнейшей формой подготовки рабочих кадров. В то же время необеспеченность элементарными жилищно-бытовыми условиями, и пользование выпускников не по специальности на подсобных работах, занижение разрядности, низкая заработная плата, отсутствие заботы со стороны администрации, профсоюзных и комсомольских органов способствовали текучести молодых рабочих. На предприятиях судоремонтной, угольной промышленности и морского флота закрепляемость составляла от 50 до 75 проц., где с обоснованными причинами (болезнь, призыв в вооруженные силы) до 50 процентов составлял самовольный уход.

Наличие большого числа профессий и специальностей, недостаточная помощь со стороны партийных, советских организаций училищам и школам в организации учебно-воспитательного процесса, сказались на уровне подготовки специалистов, однако в тяжелых военных условиях государственные трудовые резервы Приморского края помогли разрешить важнейшую часть большой и сложной проблемы воспроизводства рабочей силы — подготовки квалифицированных кадров для отраслей народного хозяйства.

ЧЕРНАЯ Т.
Уссурийский гос. пединститут.

МЕМУАРНАЯ ЛИТЕРАТУРА 20—30-х ГОДОВ О ХАРАКТЕРЕ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПРИМОРЬЕ

Одним из важнейших источников по истории партизанского движения в Приморье является мемуарная литература, издававшаяся в 20—80-е годы. Однако, между мемуарной литературой 20 — первой половины 30-х и 60—80-х годов имеются существенные различия. Период 20—30-х годов — написание воспоминаний участниками недавно прошедших событий, мемуары свободны от позднейших схем. В них много, на первый взгляд, незначительных фактов, которые впоследствии будут исключены. Как правило, партизанское движение рассматривается почти как чисто крестьянское, разрозненное и стихийное. И как следствие, примеры проявления анархизма, сепаратизма, мелко-буржуазных тенденций.

В мемуарной литературе 60—80-х годов преобладает определенный схематизм в описании событий, материал приобретает обобщающий характер, при одновременном обилии чисто военных эпизодов; воспоминания, порой, очень противоречивы. Совершнно исключен материал о негативных явлениях в партизанских отрядах, недооценивается стихийность выступлений. Проявляется отчетливая заданность работ — стремление показать социалистический характер партизанского движения и руководящее партийное влияние на организацию первых повстанческих отрядов. Далеко не всегда можно говорить только об уточнении позиций.

Повстанческие отряды возникают стихийно как отряды самообороны своих деревень. Во главе первых боевых дружин становятся большевистски настроенные крестьяне, бывшие фронтовики, учителя. По социальному составу партизанское движение, по-преимуществу, крестьянское. Социально-экономические особенности развития края обусловили большой процент зажиточно-середняцких слоев. И то. крестьянство только тогда принимает активное участие в организации партизанских отрядов, когда террор белогвардейцев и интервентов становится невыносимым. А первые 2—3 месяца середняцкие слои крестьянства занимают выжидающие

позиций, относясь к повстанческим отрядам безразлично и равнодушно.

Тот же белогвардейский террор в городах обусловил большой приток рабочих, из которых выбирался командный состав партизанских отрядов. Участие рабочих в партдвижении придают ему более организованный характер. Но процент рабочих был мал, и поэтому существенных изменений в характере партдвижения не произошло.

Участие интеллигенции носило несколько ограниченный характер. Это объясняется малочисленностью интеллигенции и неопределенностью ее отношения к происходящим событиям.

В период возникновения и развития партизанской борьбы (осень 1918 — зима 1919 гг.) говорить о решающем влиянии большевиков не приходилось. Только с весны, и особенно 1919 года партизанское движение развивается под непосредственным руководством большевиков. Движение принимает более организованный, сплоченный, целенаправленный характер.

Стихийность выступлений, участие крестьянства, различного по своему социальному составу, слабость влияния большевиков на первом этапе, участие членов левых групп мелкобуржуазных партий определило анархо-индивидуалистические тенденции, стремление к сепаратизму, к атамановщине в повстанческом движении, которые усиливались в период спада партизанской борьбы.

По своему характеру повстанческое движение было массовым и демократическим и носило ярко выраженную патриотическую направленность.

Специфика партизанского движения в Приморье не позволяет сделать вывод, что движение было социалистическим. Скорее всего, это был первый этап социалистического движения с преобладанием демократических тенденций.

СОДЕРЖАНИЕ

I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

Артемьев А. Р. — О месторасположении Кумарского острога 5

Богданов Е. — Некоторые памятники Красноармейского района 7

Болотин Д. П. — Русская и советская историческая наука о даурах и времени их появления на Амуре 8

Василевский А. А. — К вопросу об истоках охотских культурных традиций на юге Сахалина 11

Василевский А. А. — Абсолютные даты поселений Кузнецово-III и Южная-II и их интерпретация 12

Гревцов Ю. А. — Средневековый погребальный комплекс стоянки Усть-Кова — Шаманский могильник 15

Дроздов Н. И., Аненский Е. С., Бокарев А. А., Викулов А. А. — Местонахождение коррадированных артефактов в акватории Красноярского водохранилища 17

Жущиховская И. С. — Чернолощеная керамика кроуновской культуры Приморья 19

Жущиховская И. С. — К вопросу о периодизации имчинской неолитической культуры Северного Сахалина (по материалам керамики) 21

Зайцева Г. И., Кнорозов Ю. В. — Абсолютная хронология селений на островах Итуруп и Кунашир 23

Клюев Н. А. — Археологическая деятельность Л. Н. Иваньева в Приморье 24

Кривуля Ю. В. — Мохэтские памятники Приханкайской низменности 26

Крупянко А. А. — Археологические разведки в Хасанском районе Приморского края в 1988 году 28

Кузнецов А. М. — Некоторые датированные памятники Хасанского района Приморского края 30

Кузнецов А. М., Тригуб Ф. П. — Памятники позднего палеолита в бассейне реки Илистой (материалы к археологической карте Приморья) . . 31

Кузьмин Я. В., Ковалюх Н. Н., Лийва А. А. — Новые радиоуглеродные датировки средневековых археологических памятников Приморья 34

Кузьмин Я. В., Базарова В. Б., Ринне Т. С., Скрипкин В. В. — Радиоуглеродное датирование археологических памятников Приморья (по результатам работ 1987 г.) . . . 35

Лаухин С. А., Дроздов Н. И. — Первое местонахождение артефактов начала позднего палеолита на севере Чукотского полуострова . . . 37

Лынша В. А. — Сергеевка-I — новая неолитическая стоянка на юге Приморья 41

Лынша В. А., Губке Е. Д. — О результатах полевых работ на двухслойном местонахождении Илистая-2 44

Мерзляков А. В. — Новые археологические памятники р. Большая Уссурка 46

Нестеренко С. П., Рожков С., Батог С. — Древнейшее прошлое города Лесозаводска 48

Никитин О. — К вопросу о погребальных обрядах народностей удэге 49

Рящский Ф. Н. — Исторический подход в изучении географической среды 51

Сапфиров Д. А. — О различиях в неолитических материалах поселения Кондон 53

Сапунов Б. С. — История археологических исследований на территории Амурской области 56

Семин П. Л. — Разведочные работы в Кавалеровском районе Приморского края . . . 58

Тарасов А. Ю. — Палеэкологический аспект палеолитической стоянки Усть-Кова . . . 59

Тарасов А. Ю., Тарасова Е. И. — Неолитические погребения с трупосожжением в Северном Приангарье (по материалам раскопок стоянки Усть-Кова) 61

Шубин В. О. — Археологические и этнографические аспекты изучения первого русского поселения Курилороссия на о. Уруп . . 62

II. ИСТОРИЯ

Бендюжик Р. Г. — Участие приморцев в подъеме совхозного производства в 60—70 гг. . . 65

Бабак А. — Зоо- и антропоморфные мотивы в декоративно-прикладном искусстве народов Приамурья 66

Бондаренко Е. Ю. — Интернациональные связи трудящихся Приморья в период развития и упрочения социализма в СССР (1938—1960 гг.) 69

Бутенин Н. А. — Калмыковский террор в Никольск-Уссурийске 71

Бутенина Н. Д. — К истории Дальневосточной Энциклопедии 73

Высоков М. С. — Организация связи в Амурской экспедиции 75

Ешенко Т. Е. Роль народных масс и партизанского движения в гражданской войне на Дальнем Востоке СССР в оценке американского исследователя К. Смита 76

Засельский В. И. Южно-Уссурийское отделение Русского Географического общества (1916—1929) 78

Ижко Ю. А. «Кадровая революция» в городе Уссурийске в 1937—1938 гг. 81

Ижко Ю. А. Социальное развитие города Уссурийска в 1922—1940 гг. 82

Исхаков О. Ф. Роль А. З. Федорова в создании и деятельности Южно-Уссурийского географического общества 85

Исхакова О. Д. Борьба дальневосточных большевиков за армию в период триумфального шествия Советской власти . . 86

Кобыльников Г. П. Культурное развитие приморского села: проблемы и пути решения . . 89

Куцый В. Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье в годы гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке (1920—1922 гг.) 90

Лазарева С. И. Советы Приморья на современном этапе 93

Лынша О. Б. Первые периодические издания г. Никольска-Уссурийского 95

Муратов А. Из опыта работы историко-краеведческого клуба Рощинской средней школы 97

Мухачев Б. И. А. М. Краснощеков — один из руководителей борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке . . . 98

Никитенко Н. Ф., Никитенко Л. В., Калинина М. И. Николай Павлович Аносов — первооткрыватель золота на Амуре . . . 101

Панков Ю. В. Из опыта организации политической учебы учителей Приморья в 1984—1988 гг. 104

Прокошева С. Н. К вопросу о коллективизации сельского хозяйства 106

Проскурина Л. И. Социально-экономическое развитие приморской деревни в годы первых пятилеток (1928—1937 гг.) . . . 107

Романовский В. К. Развитие образования в Уссурийске: 1970—1985 гг. 110

Рябинин Е. Н., Шаталов О. В. Первые русско-китайские договоры как отражение географической изученности юга Дальнего Востока в конце XVII—начале XVIII вв. 112

Сиренко Т. Ю. Пионерская организация Приморской губернии в 1923—1924 гг. 114

Слабинина Л. А. Материальное благосостояние рабочего класса Приморского края, 1946—1961 гг. 116

Ткачева Г. А. Трудовые резервы Приморья в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг) 117

Черная Т. Мемуарная литература 20—30-х годов о характере партизанского движения в Приморье 120

ВД14039. Тип. 2. Зак. 3256. Тир. 500.